

наша русь

Олег Трубачев

К истокам русси

народ
и язык

Олег Николаевич Трубачев
К истокам Руси. Народ и язык
Серия «Наша Русь»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6058395

Олег Трубачев. К истокам Руси. Народ и язык: Алгоритм; Москва; 2013
ISBN 978-5-4438-0379-1

Аннотация

Олег Николаевич Трубачев как научный деятель, как творческая личность представляет собой поистине целый континент в отечественной науке. Это крупнейший авторитет в мировой славистике и индоевропеистике. В своих трудах, посвященных поиску прародины русов – первого славянского очага, вопросам происхождения русского народа, исследованию русского языка, – академик О.Н. Трубачев последовательно занимал антинорманистские позиции.

Эта книга объединила наиболее значимые работы великого русского ученого, посвященные истории Руси и славянства.

Содержание

Академик О.Н. Трубачев	4
К истокам Руси	10
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Олег Трубачев К истокам Руси Народ и язык

Академик О.Н. Трубачев

*В уединенье выплавить свой дух
И выстрадать великое познание...*

Эти слова Максимилиана Волошина в качестве эпиграфа приводятся в одной из статей академика-слависта Олега Николаевича Трубачева (1930 – 2002). В марте 2003 г., в годовщину его кончины в Московской мэрии прошла презентация его книги «Этногенез и культура древнейших славян» (М.: Наука, 2003). Кроме того, в том же году в России и на Украине вышло несколько биобиблиографических изданий об ученом, в которых не только обозреваются жизненный путь и главные направления его исследований, но также впервые приводится наиболее полный список его научных трудов. Внушительный список из более 500 позиций, включающий статьи, книги, рецензии, тезисы выступлений и докладов, отредактированные им сборники и монографии. За 50 лет творческой работы ученого это очень высокий и значимый результат. Если же вспомнить о тех областях, в которых творил выдающийся ученый, то можно только удивиться: неужели это можно успеть всего за одну человеческую жизнь? А знали академика по работам в области этимологии (наука о происхождении слов) и ономастики (изучает имена собственные и названия) славянских языков. Из анализа этой лексики выросло главное детище его жизни – «Этимологический словарь славянских языков», на 30-м томе которого оборвалась жизнь ученого.

Олег Николаевич Трубачев родился 23 октября 1930 г. в Сталинграде в семье врача. В 1942 г. ему довелось пережить страшные дни бомбардировок Сталинграда, откуда семья едва выбралась. Первое время жили в Горьком, в 1944 г., после освобождения Украины, поселились в Днепропетровске. Здесь мальчик окончил школу и в 1947 г. поступил в университет. Он рано обратил на себя внимание преподавателей и сокурсников способностями к языкам и редким среди студентов интересом к славянской этимологии. К окончанию университета молодой человек представил две дипломных работы: основную – «Общеславянская лексика в основном словарном фонде русского языка» и дополнительную – о болгарском возрождении (Христо Ботев, Иван Вазов). Выпускником университета он знал уже более десятка языков.

Продолжать образование приехал в Москву (1952), где вначале работал корреспондентом иностранного отдела «Комсомольской правды» и параллельно учился в заочной аспирантуре Института славяноведения АН СССР. Уже год спустя он перешел на очное обучение, в 1957 г. защитил кандидатскую диссертацию и стал сотрудником Академии наук. В 1961 г. по приглашению академика В.В. Виноградова, директора Института русского языка, О.Н. Трубачев создал и возглавил в этом институте сектор этимологии и ономастики, которым руководил в течение 40 лет – до конца жизни. В 1965 г. он защитил докторскую диссертацию, в 1972 г. стал членом-корреспондентом АН СССР, а в 1992 г. – действительным членом РАН. В 1996 г. он был избран председателем Национального комитета славистов в России.

Это – формальные вехи жизни и творчества Олега Николаевича, основным содержанием которых была Наука – этимология.

А в начале пути научный багаж набирался им с завидным упорством и быстротой. Уже через два года после защиты кандидатской диссертации молодой ученый берется за многотрудное дело: перевод «Этимологического словаря русского языка», созданного немецким ученым, выходцем из России Максимом Романовичем Фасмером, и вышедшего в Германии в 1950 – 1958 гг. За два года упорной работы (1959 – 1961) Олег Николаевич не только перевел монументальный труд, но и существенно пополнил его своими примечаниями и дополнениями (а также результатами исследований других ученых, труды которых вышли уже после появления немецкого издания), превратив первоначальный трехтомник в полновесное четырехтомное издание.

Конец 1950-х – 1960-е годы были чрезвычайно плодотворны для ученого – одна за другой выходят его книги: по этимологии – «История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя» (1959; по материалам кандидатской диссертации); «Происхождение названий домашних животных в славянских языках (этимологические исследования)» (1960); «Ремесленная терминология в славянских языках (этимология и опыт групповой реконструкции)» (1966; по материалам докторской диссертации); исследования по ономастике – «Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья» (1962; в соавт. с В.Н. Топоровым); «Названия рек Правобережной Украины» (1968).

Три первых – этимологических – исследования анализировали группы терминов, охватывающих разнообразные стороны жизни и быта древних славян, оперируя при этом языковым материалом как историческим источником, способным раскрыть особенности их жизни в период, не обеспеченный письменными источниками. При этом автор активно привлекал к своей работе этнографические и исторические материалы, результаты археологических раскопок и т. д. Ученый-этимолог часто имеет дело с дописьменной эпохой развития языка и культуры, наследие которой намного древнее первых пергаментных книг, летописей, архитектурных сооружений Древней Руси; с эпохой вызревания и образования отдельных славянских народов – русских, украинцев, белорусов, чехов, поляков, болгар и многих других. Ведь мы порой не задумываемся о том, что значительная часть слов нашего языка, сокровенных и ключевых слов нашей культуры восходит к такой глубокой древности. Сведения о жизни людей этой эпохи часто дает нам археология, но это (осколки сосудов, следы строений, украшения и т. п.) – «безмолвные» свидетельства, которые только при совместной работе специалиста-археолога и лингвиста могут дать какие-то сведения этнического характера.

Книги, посвященные лингвистическому анализу гидронимов Верхнего Поднепровья и Украины, относятся к области ономастики. Как отмечает один из коллег О.Н. Трубачева, Л.А. Гиндин, основные выводы монографии о гидронимах Поднепровья сводятся к анализу того, как заселялась эта территория, где издревле жили балты, славянским населением, как постепенно, через балто-славянское двуязычие шло растворение балтийских форм названий рек и их переоформление, переосмысление в древнерусской языковой среде. Значение таких языковых свидетельств об исторических процессах, не имеющих других подтверждений (например, о присутствии балтов в этом ареале), очень велико – книга имела огромный резонанс: в научных изданиях разных стран на нее появилось более десятка рецензий¹.

Такой широкий охват исследований, посвященных как различным сторонам жизни славян, так и местам их расселения, разнообразным аспектам их миграции, взаимодействия с другими этносами, помог ученому отточить его научный метод и аккумулировать огромное количество материалов о языке и истории славянских народов, позволил набрать опыт для главного дела его жизни, к которому он приступил в начале 1960-х годов. Речь идет о

¹ Гиндин Л.А. Олег Николаевич Трубачев: К 60-летию со дня рождения // Олег Николаевич Трубачев: Научная деятельность. Хронологический указатель трудов / Гл. ред. Е.П. Чельшев; отв. ред. Г.А. Богатова. М.: Наука, 2003. С. 9 – 18.

подготовке и издании фундаментального многотомного труда – «Этимологического словаря славянских языков», в котором сделана попытка реконструировать праславянский (наиболее древний, общий для всех славян) лексический фонд, опираясь на материалы всех славянских языков (а их на сегодняшний день насчитывается 15). Нет необходимости говорить, что для такой работы обязательно не просто знакомство, а прекрасное знание этих языков, их настоящего и прошлого. Более десяти лет ушло на подготовительные работы – создание картотеки, разработку концепции словаря, теоретическое обоснование задач и методологии, выпуск пробных статей. В 1974 году вышел первый том этого издания, а сегодня на полках специалистов стоят уже 30 выпусков словаря. Вплоть до 13-го тома всю составительскую работу вел один Олег Николаевич, лишь позднее к нему присоединились уже набравшие опыт сотрудники его сектора.

Словарь, реконструирующий праславянский лексический фонд и построенный на устных и письменных данных всех пятнадцати славянских языков (в их сравнении с неславянскими европейскими языками), должен дать картину происхождения славян, их прародину. Автор, задумавший этот труд, полагал вслед за словацким историком и филологом Павлом Шафариком (1795 – 1861), что прародиной славян был Средний Дунай. Но словарь не только определяет исходную точку и место пребывания в ней славян. Его данные позволяют проследить пути миграции славян, их сложение от племенных союзов до сегодняшних наций.

У каждой книги есть свой век, в том числе и у словаря. Словарь долго питает науку, теоретическую мысль морем фактов, на которых выстраивается та или иная концепция. Нередко автор словаря после его окончания выпускает главную свою книгу, обобщающую его словарные труды. Программа «Этимологического словаря славянских языков» была опубликована О.Н. Трубачевым в 1960 г., первый его том вышел в 1974 г. Уже по мере заполнения страниц перед автором вырисовывалась картина этногенеза славян, и, наконец, первые наблюдения были обобщены Олегом Николаевичем в книге «Этногенез и культура древнейших славян», изданной в 1992 г. и сразу ставшей раритетом (тираж 1000 экз.). В сентябре 2002 года на Международной книжной ярмарке в Москве было представлено значительно пополненное второе издание книги, вышедшей в издательстве «Наука» уже после кончины автора.

Корректуру Олег Николаевич читал в больнице. И только благодаря редакторам (Инге Борисовне Еськовой, Татьяне Митрофановне Скриповой, Алле Ивановне Кучинской) книга вышла в свет и экспонировалась на выставке. Последняя страница книги, посвященная тремя редакторами светлой памяти Олега Николаевича Трубачева, хранит его последние слова. Они пишут: ««Мы теперь уходим понемногу в ту страну, где тишь и благодать», – неожиданно вспоминает есенинские строки Олег Николаевич, задумчиво глядя на титульную страницу будущей книги. – Ушел из жизни Никита Ильич Толстой, совсем недавно не стало Эдуарда Федоровича Володина... И все же траурных рамок не надо: печаль наша светла». Эти слова были сказаны Олегом Николаевичем незадолго до кончины, осенью 2001 г. Тогда, при обсуждении с ним материалов готовящейся к печати книги, свято верилось, что счастливый день выхода ее в свет уже рядом и автор обязательно увидит свой труд. Мы спешили, и тем больше осознавать, что не успели. Утрата горька и безмерна. Мы скорбим вместе со всеми, кто любил и понимал огромную значимость для русской науки этого мужественного человека и выдающегося ученого. Но пусть печаль наша будет светла».

Как пишет профессор И.Г. Добродомов об этой книге, помимо связей славян с Дунаем и тезиса о раннем их присутствии в Центральной Европе в книге уделяется большое внимание как западным связям славян с их соседями (германцами, кельтами, италийцами), так и проблеме восточных связей, «в частности, связям с иранским языковым миром, отразившимся в славянской нарицательной лексике и топонимии. Это было обусловлено сопоставлениями исключительно на праязыковом уровне без учета древней диалектной расчлененности и славянского, и иранского языкового мира.

Проблемы древнейших славяно-иранских языковых связей и иранских заимствований в славянских языках самым тесным образом стыкуются с проблемами этногенеза. В других своих работах Олег Николаевич поставил вопрос о необходимости учета в решении этих проблем интенсивных славяно-иранских контактов. При этом обнаружилась парадоксальная насыщенность иранскими лексическими элементами западнославянского польского языка и его диалектов, а не восточнославянских, как ожидалось бы, что было обусловлено неоднократными изменениями картины расселения иранских и славянских племен в далеком прошлом, которая разительно отличается от нынешней.

Последующее углубление в историю иранства на юге России, следы которого сохранились особенно в топонимике, привело к появлению серии статей по истории лексики и топонимии языков Восточной Европы, в совокупности составивших целую книгу «Indoarica в Северном Причерноморье» (1999). В ней кратко суммируются итоги исследования старых и современных топонимов этого региона, объясняющихся из индийских языков как результат пребывания в Северном Причерноморье предков современных индийцев. Благодаря исследованию Олега Николаевича был открыт еще один индоевропейский язык индоарийского характера, названный условно синдо-меотским, что обогатило новыми материалами не только историю индоарийских языков, но и в первую очередь этническую историю региона в древности»².

Работая над поисками прародины славян, Олег Николаевич не чуждался и проблем и чаяний славян современных – он активно участвовал как в международных съездах славистов, так и в отечественных Днях славянской письменности и культуры. Зная о единстве славян в далеком прошлом, ратовал за их единение сегодняшнее. Выступая с докладами на этих славянских праздниках, рассказывал о многообразии и сложности исторического пути славян, об их языковых и культурных корнях. Впоследствии эти выступления составили научно-публицистический сборник «В поисках единства», дважды переиздававшийся; его последние выступления дают повод и к третьему изданию книги.

В заключение – несколько оценок и комментариев коллег об Олеге Николаевиче Трубачеве, помогающих понять масштаб личности и интеллекта этого человека.

М.И. Чернышева, доктор филологических наук: «Для меня – с самой первой минуты знакомства – Олег Николаевич был не просто человеком, а существом другого порядка. Так это осталось навсегда, и ни сравнительно близкое знакомство, ни трудные обстоятельства, в которых я заставляла этого человека, ни сложность его поведения не изменили моего мнения.

Много позже сложились наши деловые и, иногда даже казалось, почти дружеские отношения, что объяснялось стечением обстоятельств: кабинеты наших словарей – «Этимологического словаря славянских языков», который он создал и которым руководил, и нашего, «Словаря русского языка XI – XVII вв.», где мы работали под руководством его жены, Галины Александровны Богатовой, почти всегда были совсем рядом.

Его последние годы жизни многим видятся подлинным отшельничеством (жил он преимущественно не столько в своей московской квартире, сколько в Шереметьеве, под Москвой, в окружении любимых животных, все реже появляясь в Институте). Он стал как будто нарочито самодостаточным человеком, но строки Волошина многое объясняют:

В уединенье выплавить свой дух
И выстрадать великое познание...

² Добродомов И.Г. Олег Николаевич Трубачев // Там же, с. 19 – 43.

Его вела все та же мысль («нельзя терять время») и страстное желание успеть. Теперь уже под «успеть» подразумевался главным образом его «Словарь...» и доведение до логического конца многолетне вынашиваемых идей об этногенезе славян. Все остальное вокруг ему уже мешало.

Кому-то казалось, что он ушел в себя. Так все виделось. Так на поверхности. Но на самом деле – там, в глубине, шла мощная работа мысли – до последнего дня. На больничной койке, за несколько недель до кончины он написал статью для журнала «Вопросы языкознания», обобщающую уже 30-летний опыт создания его «Словаря...», одновременно это был и доклад к предстоящему XIII съезду славистов. Отшельничество и одиночество не были молчанием – то был постоянный монолог, разговор-размышление с самим собой и постоянным читателем-слушателем.

Чтобы как-то оценить феномен Трубачева и людей того же масштаба, в качестве далекой аналогии приходит на ум античная оценка личности (и феномена) Пифагора: «Есть боги, есть люди, а есть Пифагор»³.

В.Н. Топоров, доктор филологических наук: «Уход из жизни Олега Николаевича Трубачева существенно меняет всю ситуацию в славянской этимологии, потерявшей слишком многое. Утрата невозместима, по крайней мере здесь и сейчас: в лице Олега Николаевича сочетались ипостаси блестящего этимолога широчайшего кругозора и редкой глубины и историка раннеславянского периода, который с большим искусством и высокой степенью достоверности оперировал всем тем, что только может быть извлечено из языка.

Путь О.Н. Трубачева в науке был поразительно последователен. Он был человеком, который с детства имел перед собою свой план, представляя себе задачи, стоящие перед ним, и путь к их решению. Несомненно, многое сугубо личное – серьезность, основательность, трудолюбие, дисциплина – отразилось и во всем том, что он делал»⁴.

И.Г. Добродомов, профессор МПГУ, доктор филологических наук: «В громадном научном наследии О.Н. Трубачева поражает прежде всего обилие самого разнообразного материала из самых разных источников с умелым выбором из него самого главного, существенного и четкая методика его анализа, что отличает истинную высокую науку от расхожих мнений.

Олег Николаевич был великий этимолог, который умел извлечь из древнего слова максимум возможной сейчас информации о жизни наших далеких предков, прикинуть с помощью древних слов в строй их мыслей, уберегаясь как от их модернизации, так и от чрезмерной архаизации»⁵.

Н.Н. Лисовой, доктор исторических наук, публицист: «С именем О.Н. Трубачева, великого ученого, крупнейшего знатока и исследователя славянских языков и истории славянской культуры, связаны такие глубокие пласты русского духовного творчества и национального сознания, что подлинный масштаб и значение этой утраты не вдруг и не скоро будут по достоинству осмыслены. Сказать, что российская наука и даже культура понесли невосполнимую потерю, значит сказать слишком мало.

Когда в последние годы приходилось общаться с О.Н. Трубачевым и Г.А. Богатовой, подлинными супругами, «впряженными в один плуг», издававшими ежегодно каждый по

³ Чернышева М.И. Олег Николаевич Трубачев и наше поколение. Из воспоминаний // ВЯ, 2003, №1, с. 30 – 36.

⁴ Топоров В.Н. Памяти Олега Николаевича Трубачева // Там же, с. 5.

⁵ Добродомов И.Г. Олег Николаевич Трубачев // Там же, с. 18 – 29.

тому словаря (Олег Николаевич – ЭССЯ, Галина Александровна – «Словарь русского языка XI – XVII вв.»), невольно возникал в сознании образ круговой обороны.

И они действительно держали круговую оборону – против всех и всяческих врагов и недоброжелателей России и русского слова, против глобализмов и американизмов, нагрянувших к нам с Запада, против политического распада, аморализма и меркантилизма, подтачивающих общество изнутри.

В этом смысле со смертью Олега Николаевича, кратко сказать, не только меньше стало в мире Русской Науки – меньше стало Русского Человека...»⁶.

Т.В. Богатова

⁶ Лисовой Н.Н. Служение слову. Академик О.Н. Трубачев: ученый, человек, гражданин // Московская перспектива, 2002, октябрь.

К истокам Руси

Начиная этот непростой и, смею заверить, выстраданный рассказ о Руси Азовско-Черноморской, невольно переросший в остро ответственный, а потому вселявший в меня смущение, неоднократно откладываемый и вновь избираемый и уже на протяжении ряда лет не новый для меня сюжет – о Руси и ее названии, я приглашаю читателя обратить свой взор на юг, в данном случае – не на Крым, а на тот, в сущности, крайний юг собственно Руси-России, который при всех ее могучих прирастаниях и разрастаниях как был тысячу лет назад, так и остался фактически самым отдаленным южным форпостом Руси-России в ее исторически древнейших – европейских – пределах. Это Тамань, Таманский полуостров, древняя Тмутаракань. Более южные корректировки границ вследствие победоносных кавказских войн меня в данный момент не интересуют – не потому, что границы эти в силу известных причин оттеснены вспять, а скорее потому, что здесь речь пойдет в первую очередь о традиционном русском этническом пространстве.

У Тамани, снискавшей в литературе прошлого века репутацию самого скверного городишки на юге России, было большое прошлое – русское и дорусское. Это прошлое интересно и заслуживает нашего рассмотрения и даже пересмотра не только само по себе, оно небезразлично и для углубленного понимания вечного вопроса, «откуда есть пошла Русская земля», в особенности же того, как и откуда она стала так называться. Важность правильных ответов на эти взаимосвязанные вопросы давно поняли не только у нас в стране: «Тот, кто удачно объяснит название Руси, овладеет ключом к решению начал ее истории»⁷.

Но сначала – по порядку. Самым серьезным суждением предшествующей научной мысли о Тмутараканском княжестве мы должны признать мнение о загадочности его возникновения и существования⁸. И наоборот, односторонне упрощенными представляются нам суждения тех современных исследователей, для которых начало русской Тмутаракани датируется лишь временем после походов князя Святослава во второй половине X века⁹, а их критика «умозрительности» мнения старых исследователей о присутствии там славян в более ранние века¹⁰ становится, как увидим далее, все более голословной. И это при том, что старое, почтенное мнение о глубоких местных корнях Тмутараканского княжества¹¹, в свою очередь, уже не может удовлетворить нас сегодня, когда накоплены материалы для не столь однозначных, более широких решений и неожиданно конкретных ответов в духе славянско-неславянской взаимности.

Словом, попытка дать современное решение проблеме Тмутараканского княжества вновь влечет за собой весь комплекс Азовско-Черноморской Руси, несмотря на запретительные нотки в современной критике. Повторяется типичная ситуация в науке (и науковедении), когда инициаторы запретов или анафем на проблемы, будь то «ненаучная» («донаучная») теория дунайской прародины славян или, как в данном случае, древних корней Тмутараканского княжества и Азовско-Черноморской Руси, оказываются вынужденными расписаться как минимум в собственной недалёковидности.

Я имею в виду недавно высказанное мнение, высказанное, надо сказать, бегло и в полной уверенности, что речь идет о вчерашнем дне науки: «Ее (легенды о Черноморской Руси. –

⁷ *Brückner A.* О назwach miejscowych. Kraków, 1935, с. 41.

⁸ *Голубинский Е.Е.* История русской церкви. Т. I. Период первый, киевский, или домонгольский, первая половина тома. Изд. 2-е. М., 1901.

⁹ *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1900.

¹⁰ Советская историография Киевской Руси. Отв. ред. В.В. Мавродин. Л., 1978.

¹¹ *Иловайский Д.И.* Разыскания о начале Руси. Изд. 2-е. М., 1882.

О.Т.) абсурдность доказана еще учеными прошлого века, тем не менее, ее сторонники появлялись в 20 – 30-х годах, не исчезли они и ныне»¹². Вот тезис, в котором я вижу типичный завал на пути к истине и собираюсь построить немалую часть своего дальнейшего изложения в плане расчистки этого завала, для чего, думаю, накопилось достаточно материала. Надо иметь, правда, при этом в виду, что спорящие уже с давних пор подвизаются в некоем подобии заколдованного круга, избрав либо славянскую идею в интерпретации этой южной приморской Руси, либо отрицание славянской идеи, а заодно – как бы для вящего порядка – и полное отрицание этой своеобразной Руси.

В числе одного из первых «запретителей» Черноморской Руси называют Ф.Ф. Вестберга с его исследованиями начала XX века, полемика с которым велась в основном с позиции изначального славянства этой Руси¹³. Позиция эта в прошлом была весьма активной, и ее защищали не последние имена в русской историографии – Гедеонов, Иловайский, Багалей и, конечно, Пархоменко¹⁴.

Потом или, вернее, уже тогда произошло то, что просто не могло не произойти, – некий исторический обман зрения. В самом деле – ничего не стоило спутать туманную Русь Азовско-Черноморскую с несравненно более известной Днепровской, Киевской Русью, и нет смысла, видимо, особенно пенять за это историкам, оценивая сейчас трудность вопроса и двусмысленность источников. Памятуя об этой двусмысленности источников, да и самого русского вопроса на раннем этапе, не следует удивляться тому, что и проблема Азовско-Черноморской Руси обретала порой варяжский, норманнский акцент¹⁵, и мы сталкиваемся с этим не один раз. Хотя и тут комплекс сведений об Азовско-Черноморской Руси явно мешал гладкости и цельности картины ранней истории Древней Руси в целом, и отчаянные попытки избавиться от этого комплекса способны были бы вызвать даже наше человеческое сочувствие, если бы дело было только в этом. Чего стоят, например, упрямые попытки уточнить в желаемом смысле перевод знаменитых трех мест из Льва Диакона. В соответствующих местах у этого византийского историка содержатся: (1) требование императора Цимисхия к князю Святославу, чтобы тот «удалился в свои области и к Киммерийскому Боспору...» (VI. 8), далее, (2) напоминание Цимисхия Святославу о том, что отец его Игорь спасся к Киммерийскому Боспору с десятком лодок (VI. 10), наконец, (3) высказывается предостережение, «...чтобы скифы (то есть русь. – Т.О.) не могли уплыть на родину и на Киммерийский Боспор в том случае, если они будут обращены в бегство»¹⁶. Оказывается, комментаторов очень встревожило, что эти действительно яркие слова о Киммерийском Боспоре (то есть Керченском проливе) как месте, куда возвращаются скифы – тавро-скифы – росы, «дали многим историкам пищу для предположений о существовании Приазовской Руси. Но данная гипотеза зиждется лишь на неточности перевода, как латинского – Газе, так и старого русского – Попова...»¹⁷. Но «неточность» – если считать таковой упоминание о Боспоре Киммерийском – сохранена и в новейшем, видимо добротном, переводе М.М. Копыленко, и от ключевой роли Киммерийского Боспора в толковании этого вопроса не уйти никуда ни нам, ни комментаторам, как бы они ни редактировали употребление союзов в переводах Льва Диа-

¹² Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1900, с. 157, примеч. 131; см. еще сведения по истории вопроса в: Грицков В.В. Русь. Часть 3. Черноморская Русь. М., 1992.

¹³ Пархоменко В.А. У истоков русской государственности. (VIII – XI вв.). Л., 1924, с. 51.

¹⁴ Гедеонов С.А. Варяги и Русь. Историческое исследование. Ч. I – II. СПб., 1876, ч. I, с. XI; 5, с. 33, 150; 9, с. 174; 7, passim; см. еще: Левченко М.В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, с. 83.

¹⁵ Голубинский Е. История русской церкви. Т. I. Период первый, киевский, или домонгольский, первая половина тома. Изд. 2-е. М., 1901, с. 47.

¹⁶ Лев Диакон. История. Перевод М.М. Копыленко. Комментарий М.Я. Сюзюмова, С.А. Иванова. М., 1988.

¹⁷ Там же, с. 197, комментарий.

кона. Они, эти комментаторы¹⁸, способны вызвать скорее раздражение, чем признательность, поскольку воюют с очевидностью, попутно без всяких оснований пытаются посеять сомнения в «четких географических представлениях» Льва Диакона, а заодно и других ученых византийцев. Все это делает для нас сомнительными доводы самих этих скептиков, желающих ограничить черноморскую сферу деятельности первых русских князей днепровским устьем.

С нашими скептиками не согласен и текст договора Игоря с греками 945 года, где содержится совершенно недвусмысленный особый параграф, убеждающий в том, что греки знали о распространении интересов Руси также к востоку от Херсонеса и всячески противились этому: «А о Корсуньсте и стране. Елико же есть городов на той части, да не имать волости князь русский, да воюеть на тех странах, и та страна не покаряется вам»¹⁹. И речь идет, заметим, о делах задолго до Владимира Святого и его появления у стен Корсуня-Херсона-Херсонеса. Но суть вопроса этим далеко не исчерпывается.

Славянский элемент на северном побережье Черного моря справедливо связывают с продвижением сюда антов уже в VI веке²⁰. Ближе к Приазовской Руси вспоминают свидетельство Прокопия Кесарийского (VI в.) о бесчисленных племенах антов к северу от Меотийского озера²¹. Оспаривать заселение Черноморского побережья антами, то есть восточными славянами или их частью, с достаточно раннего времени, таким образом, не приходится, и это признано давно²². Уже в III в. (!) одна боспорская надпись упоминает некоего боспорянина по имени *Автаc Пал[ου]* – Ант, сын Папия²³, хотя преувеличивать значение этого эпиграфического свидетельства не следует, слово «анты» не было самоназванием, оно было дано выдвинувшейся сюда окраинной части славян более древним населением этих мест, о чем у нас также далее. По этой причине нет надобности увязывать имя антов специально с приазовской номенклатурой, например с Артанией восточных источников, как это пытались делать вслед за Нидерле²⁴.

Мы не в состоянии рассматривать сейчас сколько-нибудь подробно трудную историческую проблему воздействия причерноморских и приазовских славян-антов на формирование приднепровской Руси – проблему, развернутую в свое время в ряде монографий Пархоменко²⁵ и встретившую весьма сдержанное отношение со стороны Шахматова²⁶. Хотя, если разобраться, в принципиальной идее отхода к северу этой окраинной юго-восточной, южной части местного славянства, в отступлении славян на север перед многовековым и многократным давлением Степи нет ничего противоестественного, и, по крайней мере, в среде археологов уже нашего времени подобные мысли высказывались.

И все же именно сдержанность оценок археологов повлияла на общее состояние проблемы в науке. Археологи же склонялись к тому, что до рубежа IX – X веков славян-

¹⁸ См. еще специально *Карышковский П.О.* Лев Диякон о Тмутараканской Руси // Византийский временник, т. XVII. М.-Л., 1960, с. 39 и сл., *passim*.

¹⁹ Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII века. Составление и общая редакция Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. М., 1978, с. 64.

²⁰ *Пархоменко В.А.* Начало христианства Руси. Очерк из истории Руси IX – X вв. Полтава, 1913, с. 48.

²¹ *Смирнов А.П.* К вопросу об истоках Приазовской Руси // Советская археология, 1958, №2, с. 275.

²² *Срезневский И.И.* Русское население степей южного поморья в XI – XIV вв. // Известия Отделения русского языка и словесности, т. VIII, 1860, с. 314.

²³ Ср. *Грушевский М.С.* Киевская Русь. Т. I. Введение. Территория и население в эпоху образования государства. СПб., 1911, с. 206.

²⁴ *Пархоменко В.А.* У истоков русской государственности. (VIII – XI вв.). Л., 1924, с. 39; *Пархоменко В.А.* Начало христианства Руси. Очерк из истории Руси IX – X вв. Полтава, 1913, с. 46 – 47.

²⁵ *Пархоменко В.А.* У истоков русской государственности (VIII – XI вв.). Л., 1924; *Пархоменко В.А.* Начало христианства Руси. Очерк из истории Руси IX – X вв. Полтава, 1913.

²⁶ *Шахматов А.А.* Рец. на кн.: В. Пархоменко. Начало христианства Руси. // Журнал Министерства народного просвещения, август 1914, с. 334 сл. (Критика и библиография).

ские поселения «не выходили за пределы лесостепи» и в юго-восточную зону не углублялись²⁷. Правда, эту слишком суммарную и чрезмерно скептическую оценку в наших глазах существенно корректирует мнение опытейшего современного археолога: «Археологически южная колонизация почти неуловима»²⁸. Ясно, что перед нами – классический *argumentum ex silentio*, иными словами – ситуация, когда из отсутствия (молчания) источников нельзя вывести ни наличия славянского населения, ни тем паче наоборот. Готовность к скептическому решению, впрочем, перевесила и у некоторых исследователей обрела форму вывода, что, например, русские застали в Тмутаракани этническую группу хазарского времени, «а не потомков античного населения»²⁹.

Парадоксальность ситуации довершает то обстоятельство, что в ономастике (топонимии, этнонимии) Приазовья и Крыма испокон веков наличествуют названия с корнем *рос-*. Мы не раз еще будем возвращаться к ним. Научная литература не обошла их своим вниманием, напротив, удачно уловила в них «демотическую топонимику, скрытую от нас отсутствием источников»³⁰, хронологическую связь этой номенклатуры с однородным этносом, заселявшим во второй половине I тысячелетия н. э. не только Крым, но и Подонье, и Приазовье³¹. Они, эти росы, были опытными мореходами, и тут вновь встает вопрос об авторстве опустошительных морских походов на Амастриду и Константинополь около IX века (русы-славяне, русы-варяги или – какие-то «третьи» русы-росы?). Они имели влияние и известность в Северном Причерноморье, и это относилось не только к знавшим их византийцам, но и к днепровским славянам, что могло бы уже априори уменьшить сомнения Шахматова, приведенные выше, но трактовавшие, правда, о несколько ином предмете – влиянии славянской Руси Приазовья (в духе Пархоменко) на славянскую Русь Поднепровья... Нас же здесь в первую очередь интересует предыстория, первоначально последующих отношений, а также тесная связь тавров и росов, именуемых часто рядом, порой практически слитно.

В общем, мы согласны принять, имея в виду сами первоначально, этот несколько оголенный и противоречиво звучащий тезис исследователя: «В I тысячелетии н. э. росы жили в Крыму, но в это время славянской Руси в Крыму не было»³². Надо отдать должное этому достаточно вдумчивому исследователю, ибо он допускает все же проникновение сюда (в ареал культуры, именуемой салтовской) также иных, в том числе славянских, этнических групп, не оставивших археологических следов. Думаю, на этом, говоря кратко, кончатся возможности археологических исследований нашего региона, если иметь в виду их не слишком оптимистическое заключение о том, что славянорусское население не застало в Приазовье и Причерноморье остатков античного населения. Вряд ли мы могли бы безоговорочно принять это, даже если бы только располагали сведениями Прокопия об антах к северу от Меотиды в VI веке и Иордана – об антах между Днестром и Днепром еще в IV веке. В это время еще теплилась жизнь древнего населения в городах Боспора Киммерийского. Эти свидетельства не остаются изолированными, напротив, они находят сейчас групповое подтверждение, которое поставляет нам побочное для наших нынешних проблем, но достаточно

²⁷ Советская историография Киевской Руси. Отв. ред. В. В. Мавродин. Л., 1978, с. 19; *Гадло А.В.* Проблема Приазовской Руси и современные археологические данные о Южном Приазовье VIII – X вв. // Вестник ЛГУ, 1968, № 14, вып. 3, с. 57; *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа IV – X вв. Л., 1979, с. 209.

²⁸ *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII – XIII вв. М., 1982, с. 237.

²⁹ *Гадло А.В.* Проблема Приазовской Руси и современные археологические данные о Южном Приазовье VIII – X вв. // Вестник ЛГУ, 1968, № 14, вып. 3, с. 62.

³⁰ *Талис Д.Л.* Топонимы Крыма с корнем «рос-». // Античная древность и Средние века, вып. 10. Свердловск, 1973, с. 230.

³¹ Там же, с. 232.

³² *Талис Д.Л.* Росы в Крыму // Советская археология, 1974, №3, с. 92.

систематическое изучение языковых реликтов Indoarica в Северном Причерноморье, проводимое нами в течение вот уже двадцати лет.

Сейчас имеется возможность говорить о преемственности местного индоарийского субстрата по его отражениям в местном славяно-русском. Вряд ли что-либо подобное оказалось бы возможным, если бы «потомки античного населения» не дожили в той или иной форме до появления в Северном Причерноморье славян. Выборку соответствующих примеров парных отношений «индоарийское реликтовое название» – «славяно-русское местное название» я даю по материалам этимологического словаря языковых реликтов Indoarica в Северном Причерноморье, приложенным к моей одноименной монографии (в рукописи). Остается добавить в разъяснение, что под этими индоарийскими реликтами я понимаю остатки особого диалекта или языка праиндийского вида, отличного от иранского скифского или сарматского языка, существовавшего на смежной, а подчас – на той же самой территории.

Двадцатилетние мои поиски помогли выявить индоарийскую принадлежность языка синдо-меотов Боспорского царства и Восточного Приазовья, тавров Крыма, населения низовьев Днепра и Южного Буга (большую детализацию опускаю).

Итак, примеры преемственного отражения: индоар. *ake-sindu– «близ Синда (=Дона)», Acesinus, река близ Перекопа и Сиваша (Плиний), Ἀκεσίνησ, ср. др.-инд. āké «вблизи», *sindu– «большая река» (ниже); устойчивый тип обозначения в придонском регионе, сюда же индоар. *au-sili– «у каменной реки» и позднее – Ar-tana, Ar-tania восточных источников, alla Tana итальянских источников, буквально – «у Дона», «по Дону», русск. *По-донье*.

*Anta– «крайние», «окраинные», Ἀνται, Antae, Antes, народ юга Украины, ср. др.-инд. ánta– «край» – Украина.

*Buga– / *Vuja– «изгиб», «лука», Buges / Bucus – «Сиваш?», «Сев.-зап. часть Азовского моря?», ср. др.-инд. bhogá– «изгиб», «дуга» – др.-русс. *Лукоморье* «сев.-зап. часть Азовского моря».

*Dandaka-, «камышовая», Δανδάκη, местность в Крыму (Птолемей), ср. др.-инд. Dandaka-, название леса в Индии, dandana – «вид тростника» – Камышовая бухта, в современном Севастополе.

*Dand-aria– «камышовые арии», Δανδάριοι, племя на нижней Кубани (Страбон), Dandarium, остров у Днепро-Бугского лимана (Равеннский Аноним), совр. Тендра, ср. корень предыдущего названия – Сарыкамышкозаклер, «казаки из желтого камыша» (на Кубани), Сары-камыш, местность на Нижнем Днепре.

*Kanka– «журавль», «цапля», ср. др.-инд. kanká– «цапля» – Конка, река бассейна Нижнего Днепра, там же местные названия Gerania (лат.-греч. «журавлиная»), соврем. Журавка, Чаплинка.

*Kin-sana– «винная», «виноградная», Κινσάνους, округ, долина Алушты (грамоты константинопольского патриарха, XIV в.), ср. др.-инд. kim– частица, sáná– «опьяняющий напиток», – татарское Kišan, Kisan, др.-русс. (дебрь) Кисаню («Слово о полку Игореве»).

*Krkа– / *krča– «горло», «горловина», Ουκρούχ, река на вост. берегу Черного моря (Конст. Багр.), K.rts (хазарско-еврейская переписка), Карх (арабская традиция X в.), ср. др.-инд. krīka– «горло» – др.-русс. Кърчевь (Тмутараканский камень, XI в.), соврем. Керчь, под татарским влиянием³³, Курка, рукав Кубани.

*Lora-taka– / *Lora-taki «рвущее течение», Ἄλωλεκία, остров в дельте Танаиса (Страбон), ср. др.-инд. Lora– «прорыв», «рана», tákti, 3 л. ед. ч. «спешить», «нести» – др.-русс. Лютикъ (XVII в.), соврем. Перебойный, остров.

³³ Брун Ф. Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России (1852 – 1877). Ч. II. Одесса, 1880, с. 320 и сл.

*Na(va)-vaga– «новый город», «Новгород», Navarum, город в Скифии (Плиний), Νάβαρον, город на реке Каркинит (Птолемей), ср. др.-инд. náva– «новый», vága– «огороженное пространство» – Новгород Русский, с греч. *Νεάπολις ἢ ΤῶνΡως (в районе Симферополя), «Чудо св. Стефана Сурожского»³⁴.

*Pari-sara– «обтекание», Valisira (Эвлия-эфенди, Бенинказа, XV в.), соврем. Белосарайская коса у сев. берега Азовского моря, ср. др.-инд. pari– «вокруг», sar– «течь», Παρίσαρα, город в Индии (Птолемей) – соврем. *Обиточная* коса, сев.-зап. часть Азовского моря.

*Pleteno– «широкий», ср. др.-инд. prthu-, prathana– «широкий», – Плетенской/Плетеницкий лиман, или Великий луг, заливаемое пространство между Днепром и Конкой (карты Риччи Занони и Исленьева), сюда же «у Плесньска, на болони» («Слово о полку Игореве»).

*Roка-(*Rauka-) «светлый», «белый», Rocas, Rogas, народ у Черного моря (Иордан), сюда же Roga-stadzans (Иордан), индоарийско-готский гибрид «белый берег», ср. *rukса-tar– у нас, ниже.

*Roка-ba– «свет излучающая», Rhosobae, оппидум скифов-пахарей близ Канкита (Плиний), Ἐρκαβον, близ реки Каркинит (Птолемей), Ῥακόβη, эмендировано из Ῥακόλη, место, откуда произошли журавли (Стефан Византийский), ср. др.-инд. gosamān bhā– «излучать свет». Ср. греч. Λευκή ἀκτή «белый берег», о Сев.-Зап. Причерноморье, и след.

*Rukса-tar– / *Rossa-tar– «белый берег», Rosso Tar, место на западном берегу Крыма (вторично Rossofar), итальянские карты XIV в., ср. др.-инд. guksá– «блестящий» (с диал. ss<ks), сюда и Χρυσός Λευόμενος, преобразованное греческое название берега от Днепра к Дунаю (Татищев I, 197) – др.-русск. Белобережье, название того же берега.

*Sindu– «(большая) река», Sinus = Tanais «Дон» (Плиний), ср. др.-инд. sindhu– «река», «поток», «море» – др.-русск. Синяя вода, о Доне³⁵, сюда же «синего Дону» («Слово о полку Игореве»), Синее море, «Азовское море»³⁶, «на синем море у Дону» («Слово о полку Игореве»).

*Ut-kanda– «отросток?», Τυκανδείτων, род. п. мн. ч. (Пантикапей, надгробие I в. н. э.), от местного названия *Тυκανδα, ср. др.-инд. Ut-khand, Utakhanda, местность при впадении реки Кабул в Инд, др.-инд. ut– «вы-», «из-», kānda «стебель» – др.-русск. *Копыль*, город (соврем. Славянск-на-Кубани), собственно, слав. калька – «побочный отросток», (ср. южнослав., болг. «копиле» – «побочный отросток»), первоначально о реке Протоке, ответвлении Кубани.

Собственно говоря, одной этой последней семантической пары индоарийского (синдо-меотского) *Ut-kanda «отросток» и местного же славянорусского Копыль, первонач. «(побочный) отросток», на наш взгляд, достаточно, чтобы сильно обесценить ходячее мнение об освоении славянской Русью Тмутаракани лишь с конца X века. Наша лингвистическая изоглосса довольно реально и значительно удревняет условия, необходимые для ее формирования, – появление славянского этнического элемента, причем, заметим, в тылу у Тмутаракани, конкретно – к востоку от нее. Рассуждая, таким образом, вполне реально о контакте славянского языка и этноса с индоарийским северопонтийским эпохи упадка последнего, мы, естественно, вслед за этим и в связи с этим вправе заинтересоваться прямыми этноязыковыми следами раннего пребывания славянской Руси на этой юго-восточной периферии своего совокупного ареала. Ибо в том, что перед нами периферия этого ареала, сомневаться излишне.

³⁴ Соболевский А. И. «Третье» русское племя // Доклады АН СССР, 1929, с. 56 – 57.

³⁵ Брун Ф.К. // Труды I археологического съезда в Москве. 1869. П. М., 1871, с. 394-395.

³⁶ Фоменко В.Г. О названиях Азовского моря // Известия Мелитоп. отд. Географического общества СССР. Л., 1972, вып. 2, с. 106 и сл.

В свое время мне пришлось вступить за правильное понимание феномена старой этноязыковой периферии единого древнерусского ареала, каковой был новгородский Северо-Запад. Наша научная общественность к тому моменту явно поддавалась соблазну отнести архаизмы Новгорода, а главное – их «похожесть» на западнославянские особенности, прямо и безоговорочно к западнославянским же проникновениям... Не стану повторять того, что сказано было мной по тому важному поводу, каждый интересующийся легко может найти и прочесть сам. Будучи убежден в том, что новгородский Северо-Запад представляет собой просто наиболее благоприятный и счастливый случай сохранности прежде всего богатой местной письменности (подаренное нам судьбой открытие берестяных грамот), я все эти годы невольно задумывался о других, по несправедливости судьбы умолкнувших, перифериях древнего русского языкового ареала, а также о возможностях реконструкции раннего состояния в этих труднейших условиях практического отсутствия местной письменной традиции. Эти раздумья и привели меня на путь поисков того, что осталось от Азовско-Черноморской Руси... Здесь пригодилась и определенная умудренность от конкретной работы с лингвогеографической тематикой: я имею в виду свою убежденность в том, что даже серьезное проявление языковой самобытности периферии еще не может само по себе служить сигналом ее инородного, скажем инославянского, происхождения (здесь опять приходит на память та преувеличенная суэта вокруг якобы «западнославянской» природы древненовгородского диалекта, причем все это – с вопиющим игнорированием законов и типологии языковой географии)...

А осталось от древнего славянского Юго-Востока в целом немного. Вычтя сразу и целиком всю потенциальную собственную письменность, которая имела шансы возникнуть и получить развитие (ведь все-таки «история начиналась на юге»), мы и получим этот невеликий остаток: побочные традиции (византийские и восточные историки и географы, очень скудно – агиография, в том числе – славянская, мы обращаемся и будем к этому обращаться) и ономастика (топонимия, гидронимия и т. д.). Последняя мало исследована, поэтому может показаться, что в этом открытом, в основном степном, крае, где трудно укрыться зверю и человеку, трудно сохраниться и древнему названию. Но в этом расхожем мнении немало наивности и преувеличения. При всех бесконечных набегах и даже целых этнических передвижениях фронтальных переселений не было, немало существовало того, что можно обозначить как обтекание и сосуществование разных этносов.

Как мы видели, можно говорить о проявлениях весьма яркой преемственности даже там, где наша историко-археологическая *communis opinio* была решительно против. Одним из первых, может быть, самым первым, кто проявил настоящий интерес к этому «пустыному полю» как лингвист-историк и ономаст, был наш замечательный И.И. Срезневский. И он сразу много увидел и верно понял, а благодаря ему можем, кажется, понять и мы. Я имею в виду его работу «Русское население степей и южного поморья в XI – XIV вв.»³⁷. Эта трудолюбиво написанная, проницательная статья могла бы заслуженно называться знаменитой, но, боюсь, сейчас ее уже никто не знает и к ней не обращается, как это почтительно делали Багалеи в прошлом веке и Шахматов – в начале этого века. А ведь в своей публикации Срезневский еще сто тридцать с лишним лет назад показал нам, что Дикое поле «не было для русских Новым Светом», он говорит «о поселениях, родственных Руси, далеко на юге», рекомендует «всмотреться в названия местностей юга России, неизменно оставшиеся от веков очень далеких». Эти земли, отчужденные от Руси кочевниками, «не были никогда отчуждены от нее совершенно, были знакомы, будто свои. Очень многие из этих назва-

³⁷ Срезневский И.И. Русское население степей южного поморья в XI – XIV вв. // Известия Отделения русского языка и словесности, т. VIII, 1860, с. 314.

ний – русские по происхождению, славянские по смыслу и звукам»³⁸. Русских названий – и притом древних – в этом надолго отторгнутом от славянской Руси крае много: «Всего не перечесть»³⁹. Срезневский трезво схватывает эту перемежаемость русских названий с нерусскими, он понимает, что менее защищенные «должны были пропадать; но, сколько бы их ни погибло, нить преданий... не погибала». А дальше – заслуживает почти полного оглашения то, что не боясь ложной патетики можно назвать завещанием Срезневского, во всяком случае – в рамках нашей нынешней проблемы: «Таким образом, в нынешнем населении Южной России лежат следы элементов очень разнородных, – и между прочим, довольно древних элементов славяно-русских... Впрочем, такого общего заключения... без сомнения, слишком мало. Оно должно быть проверено подробными наблюдениями и исследованиями, в которых одинаковое право на участие принадлежит географу и этнографу, филологу и археологу. С другой стороны, они тем более желательны, что до сих пор только начаты, что остается темным, неизвестным, неподозреваемым многое такое, что важно не для одной пытливости науки, но и для жизни»⁴⁰.

Слова, высказанные в 1860 году, остаются и сейчас для нас не устаревшей программой, ибо основательное погружение в этот материал красноречиво показывает, сколь многое в нем было даже «неподозреваемо» для нас.

Наш обзор славянского ономастического материала в регионе не может не быть суммарным и выборочным, и выбор мы останавливали преимущественно на архаичных и локально ограниченных, в том числе эндемичных, образованиях. Поскольку ономастика своими путями сообщается с аппеллативной лексикой, а через последнюю – с языком, как правило, языком более древним, это гарантировало нам определенные, пусть не самые богатые, возможности для заключений, характеризующих эту юго-восточную периферию древнерусского ареала. Во всяком случае, при скудности данных, имевшихся в распоряжении науки на сей счет, это давало дополнительные результаты.

Вначале – о славянских названиях Северного Приазовья. В качестве таковых могут быть выделены (с запада на восток): Молóшной Крек/Молочной Крюк (записи конца XVIII в., современная форма – Молочный Утлюк – показывает возможности позднейшей тюркизации), приток реки Молочной; основная форма тождественна русск. диал. *кряк*, *крек*, звукоподражательному по природе праславянскому слову⁴¹, сюда же, далее, русск. диал. *клек* «лягушачья икра», а также Клекоток/Клекотока, речка в бассейне Верхнего Дона⁴². От лягушачьей икры, как и от ряски, назывались метафорически тихие, заболоченные речки. *Обиточная/Обыточная*, приток Азовского моря, ср. одноименная коса неподалеку (см. выше), далее – сюда *Обыточка*, приток Псла на днепровском левобережье, и другие случаи гидронима *Обиток* ниже. Представляет глубокий интерес своим образованием от несохранившейся лексемы – вост.-слав. **обиток*, праслав. **obitokъ*⁴³. **Бёрда́**, **Бёрды** мн., приток Азовского моря; обращает на себя внимание помимо морфологического разнообразия⁴⁴ также своим своеобразием семантики – близкие лексические значения «пропасть», «яма» отмечены, прежде всего, в украинских карпатских говорах у этого обычного славянского названия ткацкого снаряда или метонимически (у южных и западных славян) – горного

³⁸ Там же, с. 314, стб. 316.

³⁹ Там же, с. 314, стб. 319.

⁴⁰ Там же, с. 314, стб. 320.

⁴¹ См. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Изд. 2-е. М., 1986 – 1987, т. II, с. 391; *Фасмер М.* Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1974, вып. 12, с. 114 – 115.

⁴² *Панин Н.И.* Лексико-семантический и формантный анализ русских наименований текущих вод Окско-Донской равнины и прилегающих территориях. КД. М., 1982 (рп.).

⁴³ См. мое дополнение в: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Изд. 2-е. М., 1986 – 1987, т. III, с. 101.

⁴⁴ *Франко З.Т.* Граматична будова українських гідронімів. Київ, 1979, с. 101, 118.

рельефа⁴⁵. **Свиноры́йка**, в бассейне реки Берды, представляет продолжение древней модели славянского сложения на *-ryja*, ср. Свинорье, в Верхнем Поднепровье⁴⁶, Черторой, Черторыя, польск. Czartoryja, Копорье, в основном – с западнославянскими ассоциациями⁴⁷. **Свидова́тая/Свидувата**, в бассейне реки Берды, со связями, прежде всего, – в Поднепровье (*Свидівка, Свидівок*) и в украинских Карпатах (*Свидник, Свидівець*), а также на Балканах, ср. укр. *Свид Cornus sanguinea*⁴⁸. Витава, населенный пункт на берегу Азовского моря, западнее реки Кальмиус⁴⁹, весьма архаично по корневой принадлежности и славянскому словообразованию. **Кáлка/Калки/Калькъ/совр. Кáльмиус**, приток Азовского моря, известнейшее по летописным данным место битвы 1223 года; целый «куст» славянского гидронимического словообразования, ср. сюда *Кáльчик*, приток Кальмиуса (он же – *Калец*, 1224 г.); налицо и вторичная тюркизация – сложение с тюрк. *müjüz* «рог» в «Кальмиус». Название **Калúтвина** (балка в бассейне реки Миус) связано с ярко эндемичным, исключительно донским гидронимом *Калитва*, ср. еще название горы *Калитва* на левом берегу Днепра, близ Орели⁵⁰, не первый случай в этом регионе славянского образования древнего вида, но без связей в известной нам нарицательной лексике. И названием балки **Коровий брод** (запись XVIII в.), между рекой Миус и рекой Дон, со славянской прозрачностью конструкции и типологическими аналогиями вроде *Ox-ford*, и *Вóс-лорос*, мы заканчиваем немногочисленный, но весьма репрезентативный в отношении самобытности и древности образования ряд приазовских гидронимов и топонимов, в основном – из собрания *Отина*⁵¹. Можно разве что еще пополнить этот ряд в западном направлении, в пределах днепровского Левобережья, двумя топонимами древнего славянского вида – *Перекоп*, у Срезневского – *Перекопь*⁵², возможная приблизительная калька реликтового индоарийского **krta* – «сделанный (то есть – вырытый вручную)», примерно в том же месте, у основания Крымского полуострова, и др.-русс. Олешье, один из «заселенных притоков» у моря⁵³, которое с незапамятных времен – от геродотовской Гилеи (Ἰλαία – «лесная») до нынешних Алешковских (!) песков – стойко донесло и сохранило образ этого «лесистого» пятка среди окружающих всегда безлесных пространств.

Дальнейший материал гидронимов бассейнов Дона, Северского Донца и Левобережного Днепра мы подаем суммарно, для удобства обозрения – в алфавитном порядке, ввиду затруднительности определения четкого ареала, оговорив лишь то, что нами приводятся в основном архаичные по виду, порой – уникальные (периферийные, реликтовые) образования, застывшие, как верстовые столбы, на давно забытых путях северян, донских славян⁵⁴, возможно, и славян карпатских, а также антов. О других проявлениях (и направлениях) участия некоторых из них в древнем освоении нашего региона еще будет речь дальше.

Боромля, впадает в Донец к югу от Белгорода⁵⁵, ср. Буромля, приток Сулы⁵⁶, **Буравль**, приток Битюга (Панин), **Валу́й**, в бассейне Оскола, Сев. Донец⁵⁷, ср. Валу́й, на верхней Оке⁵⁸,

⁴⁵ Этимологический словарь славянских языков. Праoslavянский лексический фонд. М., 1974, вып. 3, с. 165 – 166.

⁴⁶ *Топоров В.Н., Трубацев О.Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962, с. 220.

⁴⁷ *Трубацев О.Н.* Етимологічні спостереження над стратиграфією ранньої східнослов'янської топонімії // Мовознавство 1971, № 6, с. 12 – 13.

⁴⁸ Гідронімія України в її міжмовних і міждіалектних зв'язках. Відповіді. Ред. О.С. Стирижак. Київ, 1981, с. 60.

⁴⁹ Там же, с. 187, карта №5.

⁵⁰ *Трубацев О.Н.* Названия рек Правобережной Украины. М., 1968, с. 71.

⁵¹ *Отин Е.С.* Каталог рек Северного Приазовья // Повідомлення Української ономастичної комісії. Вип. 11, 12. Київ, 1975.

⁵² *Срезневский И.И.* Русское население степей южного поморья в XI – XIV вв. // Известия Отделения русского языка и словесности, т. VIII, 1860, стб. 319.

⁵³ Там же, стб. 314.

⁵⁴ Первоначальное сидение у Азовского моря также вятичей (по Шахматову) остается для нас сомнительным ввиду достоверности «ляшских» связей вятичей и вторичности их прихода с Запада в Поочье.

⁵⁵ *Срезневский И.И.* Русское население степей южного поморья в XI – XIV вв. // Известия Отделения русского языка

Вырь⁵⁹, Вир, приток Сейма, также Вирь, Вирь⁶⁰, **Жирная Поруба**, в бассейне Дона, Волгоградская обл. (Панин), **Золотоноша**, левый приток Днепра⁶¹, **Идолга**, приток Медведицы, басс. Дона, Саратовская обл. (Панин), **Излегоща**, приток Воронежа, басс. Дона, Липецкая обл. (Панин), **Иловай**, приток Воронежа, Тамбовская обл. (Панин), **Иловатка**, бассейн Хопра, Саратовская обл. (Панин), **Иловля**, впадает в Дон на юг от Епифани⁶²; Панин: Саратовск. и Волгогр. обл., **Каверья**, приток Верейки, басс. Дона, Воронежская обл. (Панин), **Калитва**, впадает в Дон на юг от Епифани⁶³; Панин также: **Черная Халитва**, Белгородск. и Воронеж, обл., **Клекоток**, басс. Дона, Ряз. и Тульск. обл. (Панин), **Красивая Меча**, впадает в Дон на юг от Епифани⁶⁴; Панин: Тульская и Липецкая обл., **Куной**, басс. Дона, Воронежск. обл. (Панин), **Кшень**, приток Быстрой Сосны, басс. Дона, Курская и Орловская обл. (Панин), ср. Кшеня Урля, нижнее правобережное Поочье⁶⁵, но последнее – среди явно мордовского гидронимического ландшафта, **Лохвица**⁶⁶, Лугань, впадает в Донец на юг от Белгорода⁶⁷, **Медведица**, впадает в Дон на юг от Епифани⁶⁸; Панин: Саратовская и Волгоградская обл., ср. Медведица, нижнее правобережное Поочье⁶⁹, **Мжа**, впадает в Донец на юг от Белгорода⁷⁰, **Морец**, басс. Дона, Волгоград. обл. (Панин), **Непрядва**, приток Дона, Тульск. обл. (Панин), **Обиток**, басс. Северск. Донца; басс. Самары⁷¹, **Обыточка**, приток Псла, басс. Днепра, **Обитчка**⁷², **Оржица**⁷³, Оржиця, приток Сулы, бас. Днепра⁷⁴, **Осереда**, впадает в Дон на юг от Епифани⁷⁵, **Отнога**, басс. Дона, Волгоградск. обл. (Панин), **Паника**, басс. Дона, Липецк, обл. и Саратовск. обл., продолжение слав. *ronika/*ronikъva, о теряющихся под землей речках, **Плота/Плата**, басс. Дона, Тульск., Липецк., Тамб., Орловск., Курск., Белгородск. обл., **Плесный**, басс. Богучара, Воронежск. обл. (Панин), **Полоная Вершина**, басс.

и словесности, т. VIII, 1860, стб. 316.

⁵⁶ Гідронімія України в її міжмовних і міждіалектних зв'язках. Відповіді. Ред. О.С. Стирижак. Київ, 1981, с. 208.

⁵⁷ *Срезневский И.И.* Русское население степей южного поморья в XI – XIV вв. // Известия Отделения русского языка и словесности, т. VIII, 1860, стб. 316.

⁵⁸ *Смолицкая Г.П.* Гидронимия бассейна Оки. М., 1976, с. 17.

⁵⁹ *Срезневский И.И.* Русское население степей южного поморья в XI – XIV вв. // Известия Отделения русского языка и словесности, т. VIII, 1860, стб. 316.

⁶⁰ Словник гідронімів України. Ред. кол.: А.П. Непокупний, О.С. Стрижак, К.К. Цілуйко. Київ, 1985, с. 103.

⁶¹ Там же, с. 216; *Срезневский И.И.* Русское население степей южного поморья в XI – XIV вв. // Известия Отделения русского языка и словесности, т. VIII, 1860, стб. 316.

⁶² *Срезневский И.И.* Русское население степей южного поморья в XI – XIV вв. // Известия Отделения русского языка и словесности, т. VIII, 1860, стб. 317.

⁶³ Там же, стб. 317.

⁶⁴ Там же, стб. 317.

⁶⁵ *Смолицкая Г.П.* Гидронимия бассейна Оки. М., 1976, с. 256.

⁶⁶ *Срезневский И.И.* Русское население степей южного поморья в XI – XIV вв. // Известия Отделения русского языка и словесности, т. VIII, 1860, стб. 316.

⁶⁷ Там же, стб. 316; Словник гідронімів України. Ред. кол.: А.П. Непокупний, О.С. Стрижак, К.К. Цілуйко. Київ, 1985, с. 328 – 329.

⁶⁸ *Срезневский И.И.* Русское население степей южного поморья в XI – XIV вв. // Известия Отделения русского языка и словесности, т. VIII, 1860, стб. 317.

⁶⁹ *Смолицкая Г.П.* Гидронимия бассейна Оки. М., 1976, с. 261.

⁷⁰ *Срезневский И.И.* Русское население степей южного поморья в XI – XIV вв. // Известия Отделения русского языка и словесности, т. VIII, 1860, стб. 316.

⁷¹ Словник гідронімів України. Ред. кол.: А.П. Непокупний, О.С. Стрижак, К.К. Цілуйко. Київ, 1985, с. 392.

⁷² Там же, с. 392.

⁷³ *Срезневский И.И.* Русское население степей южного поморья в XI – XIV вв. // Известия Отделения русского языка и словесности, т. VIII, 1860, стб. 316.

⁷⁴ Словник гідронімів України. Ред. кол.: А.П. Непокупний, О.С. Стрижак, К.К. Цілуйко. Київ, 1985, с. 400.

⁷⁵ *Срезневский И.И.* Русское население степей южного поморья в XI – XIV вв. // Известия Отделения русского языка и словесности, т. VIII, 1860, стб. 317.

Битюга, Воронежск. обл. (Панин), ср. Полонец, Полоница, в Поочье⁷⁶, **Полта**, басс. Дона, Липецк, обл. (Панин), **Попасный**, басс. Дона, Воронежск. обл. (Панин), **Порой/Парой**, басс. реки Воронеж (Панин), **Протолчь**⁷⁷, **Протълчь**, в районе днепровских порогов⁷⁸, **Протóвч**, приток Орели, басс. Днепра⁷⁹, ср. Протолок, в Поочье⁸⁰, **Псел**⁸¹, **Пьсль** (XII в.), левый приток Днепра⁸², **Птань**, приток Красивой Мечи, басс. Дона, Тульск. обл. (Панин), **Ряса Становая**, приток Воронежа, в ее бассейне – *Маслова Р., Московская Р., Ягодная Р., Гущина Р., Раковая Р., Колодезная Р., Говейная Р.* (Панин), ср. Ряса в Поочье⁸³, **Свишня**, басс. Дона, Липецкая обл. (Панин), **Ситова Меча**, приток Красивой Мечи, Тульск. обл. (Панин), **Снова** (Богатая, Кобылья), басс. Дона, Липецкая обл. (Панин), ср. Снов(ь), приток Десны⁸⁴, **Сньвь**⁸⁵, **Сосна** (Быстрая, Тихая), впадают в Дон на юг от Епифани⁸⁶, ср. Сосна, в Поочье⁸⁷, **Суверня**, басс. Хопра, Пенз. обл. (Панин), **Супой**⁸⁸, **Супій**, род. -ою, левый приток Днепра⁸⁹, < праслав. **sorojъ*, иначе – и неубедительно⁹⁰, **Талица**, приток Быстрой Сосны, Липецк, обл. (Панин), ср. Талица, в Поочье⁹¹, **Тауза**, приток Медведицы, Саратовск, обл. (Панин), ср. Уза, ниже, **Тим**, приток Быстрой Сосны, Курск, и Орловск. обл. (Панин), **Тименка**, приток Быстрой Сосны, Орловск. обл. (Панин). **Толотый**, укр. **Тóлотий**, яр, басс. Северского Донца, Харьковск. обл.⁹², ср. литовское *tiltas* «мост», **Тор**, **Торец**, впадают в Донец на юг от Белгорода⁹³, **Труд(ы)**, впадает в Быструю Сосну⁹⁴, **Уза**, басс. Малой Медведицы, Саратовск. обл. (Панин), **Усерд**, приток Тихой Сосны, Белгородск. обл. (Панин), **Утеча**, басс. Тихой Сосны, Белгородск. обл. (Панин), **Хóртица**⁹⁵, **Хортиця**, приток Днепра⁹⁶, Щигор/Щигра, басс. Дона, Курск. обл. (Панин).

Связи с Поочьем у этой южной (юго-восточной) гидронимической группы невелики – десять самостоятельных лексических позиций из общего количества пятидесяти с лишним приведенных выше названий, но их не больше (если не меньше) и в отношении дру-

⁷⁶ Смолицкая Г.П. Гидронимия бассейна Оки. М., 1976, с. 33, 38.

⁷⁷ Срезневский И.И. Русское население степей южного поморья в XI – XIV вв. // Известия Отделения русского языка и словесности, т. VIII, 1860, стб. 319.

⁷⁸ Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі. Відповід. ред. О. С. Стрижак. Київ, 1985, с. 111.

⁷⁹ Словник гідронімів України. Ред. кол.: А.П. Непокупний, О.С. Стрижак, К.К. Цілуйко. Київ, 1985, с. 450.

⁸⁰ Смолицкая Г.П. Гидронимия бассейна Оки. М., 1976, с. 229.

⁸¹ Срезневский И.И. Русское население степей южного поморья в XI – XIV вв. // Известия Отделения русского языка и словесности, т. VIII, 1860, стб. 316.

⁸² Словник гідронімів України. Ред. кол.: А.П. Непокупний, О.С. Стрижак, К.К. Цілуйко. Київ, 1985, с. 451 – 452.

⁸³ Смолицкая Г.П. Гидронимия бассейна Оки. М., 1976, с. 45, 185.

⁸⁴ Словник гідронімів України. Ред. кол.: А.П. Непокупний, О.С. Стрижак, К.К. Цілуйко. Київ, 1985, с. 514.

⁸⁵ Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі. Відповід. ред. О.С. Стрижак. Київ, 1985, с. 144.

⁸⁶ Срезневский И.И. Русское население степей южного поморья в XI – XIV вв. // Известия Отделения русского языка и словесности, т. VIII, 1860, стб. 317.

⁸⁷ Смолицкая Г.П. Гидронимия бассейна Оки. М., 1976, с. 23, 41, 140.

⁸⁸ Срезневский И.И. Русское население степей южного поморья в XI – XIV вв. // Известия Отделения русского языка и словесности, т. VIII, 1860, стб. 316.

⁸⁹ Словник гідронімів України. Ред. кол.: А.П. Непокупний, О.С. Стрижак, К.К. Цілуйко. Київ, 1985, с. 540.

⁹⁰ Франко З.Т. Граматична будова українських гідронімів. Київ, 1979, с. 135, сн. 28.

⁹¹ Смолицкая Г.П. Гидронимия бассейна Оки. М., 1976, с. 103, 104, 199, 250.

⁹² Словник гідронімів України. Ред. кол.: А.П. Непокупний, О.С. Стрижак, К.К. Цілуйко. Київ, 1985, с. 568.

⁹³ Срезневский И.И. Русское население степей южного поморья в XI – XIV вв. // Известия Отделения русского языка и словесности, т. VIII, 1860, стб. 316.

⁹⁴ Там же, стб. 317.

⁹⁵ Срезневский И.И. Русское население степей южного поморья в XI – XIV вв. // Известия Отделения русского языка и словесности, т. VIII, 1860, стб. 319.

⁹⁶ Словник гідронімів України. Ред. кол.: А.П. Непокупний, О.С. Стрижак, К.К. Цілуйко. Київ, 1985, с. 593.

гих восточнославянских регионов. Заметную долю – можно сказать, лицо юго-восточной гидронимии – составляют названия-эндемики: Идолга, Излегоща, Калитва, Меча, Непрядва, Обиток, Плота/Полта, Толотый и некоторые другие. Их славянский вид и генезис весьма вероятны, хотя для этого иногда требуется сугубо этимологическая процедура: реконструкция редкого сложения с *и*-префиксом в *И-долга*, древней основы на *-у(-ū)* **nepredy* /-ъve, далее – особого древнего слова праслав. **plyta*, родственного глаголу **plyti*, практически неизвестного в славянских языках, в которых широко распространено **plytъ* м.р. с отличной семантикой («плот», «плавсредство»), наконец, реконструкция особого праслав. **plytъjъ*, причастия от совершенно не сохранившегося в славянских языках глагола. Насколько мы можем судить об исходной семантике отобранных выше эндемичных юго-восточных славянских гидронимов, речь идет почти исключительно о гидрографических терминах, характеризующих особенности воды, ее течения («продолговатый», «тинистый, грязный», «непроточный», «обтекание» и т. п.). По всем признакам это древнейший разряд гидронимов. Картину архаичности (реликтовости) периферийной группы донецко-донских и левобережноднепровских гидронимов довершит сравнение с большой группой славянских (праславянских) гидрографических терминов, специально собранных Удольфом⁹⁷. Результат, как принято говорить в подобных случаях, превзошел наши ожидания: наших эндемиков в славянской гидрографии Удольфа **НЕТ**. Таким образом, если критично настроенный читатель питал какие-то сомнения по основному сюжету, развиваемому нами, продолжать настаивать на них и дальше станет, видимо, неудобно. Несмотря на все превратности своей исторической судьбы, донецко-донской и приазовский гидронимический ареал – эта наша рабочая лингвистическая модель Азовско-Черноморской Руси – все еще хранит многие существенные черты славянской этноязыковой периферии.

То, что засвидетельствовано в основном в гидронимии, – остатки более древнего состояния, остатки драгоценные, но неполные. Еще более недостаточна их изученность и, разумеется, наша способность судить по ним о древних этнических передвижениях. Феномен архаичной славянорусской гидронимии на Дону, в верхних двух третях его течения, как бы на подступах к Приазовью, бросается в глаза даже при первом взгляде, как, впрочем, и его самобытность (отсутствие даже апеллативных баз) и оторванность от основного общерусского материка. Как складывался этот донской феномен, где лежат его истоки? Дело в том, что ни в Поочье, ни в Поднепровье мы, строго говоря, не находим ему соответствий, «что определенно противоречит известным в науке концепциям освоения Дона восточными славянами из Поочья или – наоборот – среднего Поочья вторично – с Дона», о чем я писал уже в своем отзыве о диссертации Н.И. Панина в 1982 году.

Несколько легче правдоподобно судить о том, как древнерусские племена Юго-Востока отступали (в основном – на запад?), теснимые степными племенами, а потом как следствие или своеобразная реконкиста пришло вторичное освоение Юга, «сползание», в том числе – сползание к югу ряда изоглосс. Во всем этом жила еще и народная память о том, что в древности Юг был доступен, он был наш. Это звучит и передается как завет прошлого, и, откликаясь на него, не один княжеский сокол слетел с «огня стола» «поискати града Тмуроканя»... Но неумолимое время делало свое дело, и вернуться в прошлое оказалось невозможно. Возвратив эти самые южные русские земли в победный екатерининский XVIII век, мы застали на месте княжеской столицы скверный городишко. Впрочем, и сами мы были уже не те, что уходили отсюда в пору своего древнерусского единства. Возвращались мы в свое новое Прикубанье уже русскими переселенцами и украинскими казаками.

⁹⁷ Udolph J. Studien zu slavischen Gewässernamen und Gewässerbezeichnungen. Heidelberg, 1979 (=Beiträge zur Namenforschung, N.F., Beiheft 17).

Все эти древние этнические передвижения (или по крайней мере их часть) в юго-восточном секторе орбиты Древней Руси подпитывались донскими славянами, как их еще называют, говоря о них и об их выходе с днепровского Правобережья примерно с VIII века⁹⁸. Впрочем, славяне появились здесь скорее в еще более раннее время. Салтовская культура, распространившаяся сюда с аланизированного Предкавказья, наложилась на местных славян, чьи типичные жилища-полуземлянки обнаруживают в долине Оскола с VI века и даже уже с V века, давая возможность говорить о распространении здесь «культуры оскольско-пеньковского облика», причем второй, пеньковский компонент ее как бы паспортизирует связь с правобережноднепровским славянством и древний приход оттуда. И хотя здесь была уже зона хазарского влияния, население всегда оставалось разноплеменным конгломератом из славян, иранцев-алан и тюрок. Есть вероятие, что именно здесь начал шириться этноним «рус», «русь», почему говорят о Донской Руси. Донская Русь, ее положение по отношению к собственно Хазарии с одной стороны и Киевской Руси с другой сохраняют в себе еще много нерасшифрованного. В силу этих и других причин внимание научной истории как бы соскальзывает с этого промежуточного, малоизвестного объекта, сосредоточиваясь на изучении двух главных субъектов древней восточноевропейской истории – Киевской Руси и Хазарского каганата. Примеры такого «растворения» исторического объекта вполне реальны в историографии. Тем больше должна быть наша признательность одиночкам-энтузиастам, будителям нашего исторического сознания, которые умудряются копать в буквальном смысле наше прошлое и посылно помогают нам его осмысливать⁹⁹.

Весь драматизм и даже трагизм, заключенный в нескольких словах о том, что Донская Русь ушла в прошлое и была позабыта, едва став даже понятием истории, а в лингвистике и вовсе не успев отпечататься, может быть несколько смягчен одной немалой оговоркой. Потому что, если выяснится, что как раз на этих путях мы обрели свое имя Русь, размер абсолютных потерь несказанно умалится ввиду сохранения главного наследия. Но об этом – впереди, а мы еще задержим свое внимание на земле, которая в эпоху «Слова о полку Игореве» получила уже горькое прозвание «земля незнаема», «въ поле незнаеме». Раньше она была и знаема, и обжита, и особенно активно обживали ее северяне. Именно они, как полагает историк, составляли основное славянское население Дона и Тмутаракани. Неслучайно Донец с раннего времени назван Северским¹⁰⁰. Начав свой путь на Сейме и Суде, северяне ширили свои поселения на юг и юго-восток, дойдя до Северского Донца и Дона. Не остановились они и на этих рубежах. Как полагают, и город Тмутаракань, «скорее всего, мог явиться колонией северян»¹⁰¹. Тому подтверждение – «постоянная связь Тмутаракани с Черниговом»¹⁰². Устойчивые направления этнических передвижений накладывают отпечаток и на важные названия мест и вод, и в отношениях пары *Дон – Донец*, названиях главных рек региона, это читается до сих пор. Решить, что является главным руслом, а что – притоком, в отношении Дона и отнюдь не маленького Донца оказалось не так легко, и тут возможны были колебания, о которых нам также сообщают историки. Быть может, особенно с распространением салтовской культуры на этот регион аланское, осетинское *don* «вода» применялось в течение какого-то времени недифференцированно и к Дону, и к Донцу. Потом отношения подверглись уточнению, и читать их можно, думаю, в том же духе, в котором читаются уже известные нам примеры: *Великая Россия, Великороссия – Россия, Малая Рос-*

⁹⁸ Винников А.З. Славянские поселения на р. Воронеже // Древности славян и Руси. М., 1988, с. 26 и сл.

⁹⁹ См. специально: Николаенко А.Г. Северо-западная Хазария или Донская Русь?.. // Древности Приоскольской летописи в заметках краеведа. Волоконовка, 1991.

¹⁰⁰ Багалея Д.И. История Северской земли до половины XIV ст. Киев, 1882 (Киевские университетские известия), с. 20, 134.

¹⁰¹ Багалея Д.И. Русская история. Т. I. М., 1914, с. 129.

¹⁰² Багалея Д.И. История Северской земли до половины XIV ст. Киев, 1882 (Киевские университетские известия), с. 28.

сия, Малороссия, а именно: «великое», как правило, знаменует направление миграции, экспансии. Интересно и в случае с Доном и Донцом увидеть на определенном этапе повторение этой ситуации; так, «Слово о полку Игореве» противопоставляет *Дон великий* (4 раза) и *Донец*, то есть «Дон малый», особенно четко это наблюдается в выражении *от великаго Дону до малаго Донца*. Так – в «Слове о полку Игореве»; мы же читаем эти определения как дорожные указатели стойкого продвижения как раз в обратном, юго-восточном, направлении – «отъ малаго Донца до великаго Дону». В последующем употреблении эпитеты эти не удержались, осталось Дон – Донец, и лишь уменьшительный суффикс знаменует эту относительную «малость» Донца, который стал зваться к тому же Северским. Эта уменьшительность здесь тоже черта древняя, ее успели зафиксировать в своем языке древние венгры, временно останавливавшиеся в этих краях: *Dentu*¹⁰³.

Конечно, картина останется односторонней и неполной, если искать только признаки продвижения и углубления славянского этноса в одном восточном и юго-восточном направлении. В этом регионе все же преобладали, а потом и возобладали всеобщие миграционные тенденции с востока на запад. Надо сказать, что они разнообразно отразились и в ономастике. Вообще, если присмотреться, Подонье и Предкавказье генерировало и посылало далеко на запад вплоть до Карпат, Дуная и Балкан различные важные импульсы, о которых мы теперь точно знаем только благодаря ономастике, ну и, разумеется, этимологии. Так, именно в античном Танаисе на нижнем Дону обнаружен иранский (сарматский) ономастический прототип этнического имени хорватов (история застаёт потом уже древнерусское племя с таким именем на юго-западе Древней Руси, близкие по времени исторические известия о разных племенах славян-хорватов следуют по всей внешней дуге Карпат на западе, вплоть до Иллирии, уже на славянском юге).

Меньше ясна в деталях траектория имени сербов, но у него тоже вероятен неславянский источник, и также вероятна его первоначальная локализация в Предкавказье, занятом весьма разнообразными этносами. Эти крайние примеры нам здесь потребовались именно как крайние, показательность которых в том, что они, как меченые атомы, переместились с очевидностью с востока на запад. Допустимо предполагать и наличие таких же «обратных» дорожных указателей меньшего масштаба, которые документировали бы языком ономастики разрушение территории северянской колонизации на юго-востоке и ее как бы «сжеживание» в обратном направлении – к Сейму и Десне. Один такой пример, во всяком случае, достоин упоминания: это специально выделенная историком Северской земли Д. И. Багалеем *Беловежа*, город у реки Остер, впадающей в Десну¹⁰⁴, для нас (да и для доблестных северян, думаю, тоже) – реминисценция о далекой, уже собственно хазарской, хотя и против них, северян, возведенной Белой Веже (Саркел) в излучине Дона.

Известно, что объем понятия «Русь», «Русская земля» – величина весьма колеблющаяся, но в современной исторической науке, кажется, отсутствует глубокая реконструкция, и, может быть, не без воздействия торможения, исходящего от «варяжского вопроса», обычно после констатации вторичности включения в понятие «Русь» Смоленской, Владимиро-Суздальской и уж тем более Новгородской земли, еще в XII веке отличающейся новгородской летописью от собственно «Руси», довольствуются принятием положения, что первоначально Русь – это земля полян вокруг Киева¹⁰⁵. Весь вопрос в том, насколько это действительно изначально и исторически верно. Ведь даже оставаясь целиком в рамках исторических (письменных) свидетельств, мы наталкиваемся на показания иного, отличного употребления, кото-

¹⁰³ Schramm G. Nordpontische Ströme. Namenphilologische Zugänge zur Frühzeit des europäischen Ostens. Göttingen, 1973, S. 167.

¹⁰⁴ Багалей Д.И. История Северской земли до половины XIV ст. Киев, 1882 (Киевские университетские известия), карта.

¹⁰⁵ Рогов А.И. О понятии «Русь» и «Русская земля» (по памятникам письменности XI – начала XII в.) // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981, с. 152, 153.

рых не имеем права игнорировать, как все же поступают в наше время – для самооблегчения – со всем южным комплексом Руси, делая вид, что проблема Азовско-Черноморской Руси не существует. К вопросу о «Русской земле»: историк Багале́й давно обращал внимание на употребление еще в договоре Олега начала X века земли **русской** как места возможной гибели греческих судов, полагая вполне естественно, что речь шла о **морском побережье**, берегах Черного и Азовского морей¹⁰⁶.

Есть все же возможность, исторически глядя на вещи, поставить в непротиворечивую связь друг с другом известия и данные исторических наук (истории, археологии), видимость противоречия между которыми чрезмерно преувеличивается. Я имею в виду уже приводившееся внешне парадоксальное мнение археолога, что «в I тысячелетии н. э. росы жили в Крыму, но в это время славянской Руси в Крыму не было»¹⁰⁷. Своими изложенными здесь наблюдениями над немаловажными реликтами древней славянской ономастики (гидронимии, топонимии) юго-восточного региона я, думаю, несколько ослабил излишне отрицательный заряд обычно обсуждаемого при этом комплекса сведений: пресловутое отсутствие славянских памятников до X – XI вв., преимущественно аланский генезис салтовской археологической культуры, которая к этому времени успела заполнить это пространство земли, случайную «похожесть» ономастического ряда корней *рук-/рок-/рос-/русъ* как якобы «ничего общего между собой не имеющих»¹⁰⁸. Тот, кто думает так, – как минимум не считается с реальностью жизненно важного феномена вторичного ославянивания **первоначально неславянских** этнонимов. Важнейшие примеры уже названы были мной: хорваты, сербы. Ведь и в ответ на наш возврат к старому сближению славянского названия сербов балканских – *срб, срби* – с именем так называемых сербов «античных», или северокавказских, нашлись охотники апеллировать к тому аргументу, что между Волгой и Северным Кавказом нет древних материальных следов славян. Никто против этой очевидности не спорит, однако это еще не достаточный резон, чтобы отвергать самую мысль о поэтапном втягивании этого первично, разумеется, неславянского имени в славянское этноязыковое пространство на западе, относительно далеко от начального ареала имени, и требование определенной гибкости мысли, способной оценить постепенную славянизацию **sъrbъ, *sъrbi* ← *Σέρβοι, Serbi*, не кажется тут лишним. Гипотетичность (но отнюдь не беспочвенность!) этого сближения состоит в том, что мы не располагаем промежуточными, передаточными звеньями этой эволюции. В случае с Русью мы хотели бы установить эти недостающие промежуточные звенья, в чем и состоит для нас роль Азовско-Черноморской Руси, славянской с достаточно раннего времени, роль, предполагавшаяся и более ранними исследователями, но, как кажется, у нас впервые дополнительно подкрепляемая лингвистическими – ономастическими – аргументами.

Прежде чем обратиться к традиционно используемым восточным источникам о русах, Руси и Северном Причерноморье, сначала задержимся на древнейших данных этого круга, черпаемых из пограничья археологии, древней истории и реконструкции. Не последнее место в совокупной картине этих данных принадлежит географическому, в том числе – лингвогеографическому аспекту (пространственной проекции) важнейших свидетельств. Принимая общую идею постепенной аланизации юго-восточного отдела Северного Причерноморья и главное ее направление – с Северного Кавказа дальше на север, мы вслед за нашими предшественниками обращаем внимание на весьма ранние известия о некоем народе *рус*, идущие с Северного Кавказа, приурочиваемые даже к восточной, дагестанской,

¹⁰⁶ Багале́й Д.И. История Северной земли до половины XIV ст. Киев, 1882 (Киевские университетские известия), с. 24 – 25.

¹⁰⁷ Талис Д.Л. Росы в Крыму // Советская археология, 1974, № 3, с. 92.

¹⁰⁸ Ковалев Г.Ф. О происхождении этнонима «русъ» // Studia Slavica Finlandensia, t. III. Helsinki, 1986, с. 72.

части региона, бывшей в фокусе интересов политики и истории VI – VII веков¹⁰⁹, что само по себе отнюдь не говорит о локализации народа *рус* именно в той отдаленной части Кавказа и в целом носит достаточно расплывчатый характер. Если угодно, более конкретным географически оказывается сообщение сирийской «Церковной истории» Захарии Ритора под 555 годом о народе *Hros по соседству с амазонками, то есть на Дону, в западной половине Предкавказья*¹¹⁰. Созвучие этого *hros* или *hrws* и имени народа ‘Ρῶς несколько более поздних византийско-греческих источников, приурочиваемого к смежным или тем же самым районам Северо-Восточного Причерноморья¹¹¹, конечно же, неслучайно. Именно этим реальным знанием этнонимии Северного Причерноморья середины или даже первой половины I тысячелетия н. э. навеяно одно якобы ошибочное место греческой Библии, где (Иез. 38, 2) упомянут *князь Рос* (греч. ‘Ρῶς), тогда как в оригинале стоит древнееврейское *roš* «князь», «глава»¹¹².

Попробуем предпринять некоторые уточнения этноисторической картины, насколько они представляются возможными. Дело в том, что относить все недифференцированно к аланской экспансии вряд ли будет правильно, особенно в связи с возможными древними носителями имени *Ros*. Полезно также вспомнить, что среди различных районов Северного Причерноморья Восточное Приазовье как раз не было скифским, оно последовательно оставляется за рамками собственно Скифии в трудах древних и наиболее авторитетных новых историков от Геродота до Ростовцева (ср., например, концептуально звучащее название книги последнего – «Скифия и Боспор»). Собственно Боспор по обе стороны пролива, как и все Восточное Приазовье, были синдо-меотским, неиранским ареалом. На запад от Боспора Киммерийского простирается первоначально **неиранская** Таврика, подвергшаяся иранизации (аланизации) лишь вторично. Точно так же вторично, на глазах истории, было иранизировано (сарматизировано) Восточное Приазовье. Здесь самое время привести слова исследователя, который, во-первых, идентифицировал этническое имя *Рус, рус* как имя, охватившее значительную часть носителей салтовской культуры, а во-вторых, что для нас здесь, пожалуй, еще важнее, уточнил **исходный центр** последующего более широкого и, можно сказать, триумфального распространения и употребления этого имени: «Это название вначале было свойственно только какой-то группе аланского населения, жившего в западной части Северного Кавказа, возможно, вблизи Таманского полуострова»¹¹³. В наших терминах это, правда, уже не земля алан, а, в соответствии с вышесказанным, земля особых племен синдов, дандариев «и всех меотов» (как это еще именуется в древней местной эпиграфике), праиндийских по своей языковой принадлежности. Так, местный инородный субстрат и – тоже относительно раннее – славянорусское наслоение замыкаются на одном и том же географическом центре: Синдика (азиатский Боспор) – Тмутаракань – Тамань.

Туземный приморский этнос *ros* слыл воинственным и приверженным морским разбоям (и то, и другое просто повторяет черты народа тавров, к которому мы еще будем возвращаться). Его влияние на различные другие народы региона очевидно, и оно облекалось порой в форму перенятия этнического имени – черта, достаточно распространенная в эпохи не очень устойчивой этнической идентификации и самоидентификации (нередко попросту **отсутствие** этнического имени в таких условиях и на такой стадии развития означало лишь наличие вакуума, облегчавшего заимствование нового этнического названия).

¹⁰⁹ Новосельцев А.Л. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI – IX вв. В кн.: Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 362 и сл.

¹¹⁰ Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Ethnologische und historisch-topografische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts (ca. 840 – 940). Leipzig, 1903.

¹¹¹ Дьяков А.П. Известия Псевдо-Захарии о древних славянах // Вестник древней истории 1939, № 4, с. 83 и сл.

¹¹² См. дальнейшую литературу в: Советское источниковедение Киевской Руси. Исторические очерки. Л., 1979, с. 69.

¹¹³ Березовець Д.Т. Про ім'я носіїв салтівської культури // Археологія, т. XXIV, 1970, с. 69.

Попытки представителей отдельных дисциплин (германистов, славистов, список, наверное, можно продолжить, см. также ниже) заявить о своих правах на этноним *рос* обоснованы недостаточно. Однозначно придется отвести мнение немецкого ученого, будто под именем *Hrōs* скрываются местные германцы, сюда же *Rosomoni*¹¹⁴, что в такой форме неприемлемо, хотя и не исключено вторичное усвоение явно негерманского названия какой-то германской племенной группой, как это, в свою очередь, случилось с тюрками придонской области салтовской культуры, о чем говорит некая «*Русь-тюрк*» в Подонье, на карте Идриси XII века¹¹⁵. На тех же основаниях вынуждены будем отвергнуть и построения русского историка Иловайского с его презумпцией исконно славянского содержания имен *Русь*, *роксаланы* – «по реке Рокс... или Рос»¹¹⁶. И, наоборот, близок к истине оказался необычайно проникательный Шлецер, высказавший удивительную догадку, что громкие морские походы на Византию времен патриарха Фотия совершили не Русь славянская, но и не Русь варяжско-скандинавская (NB!), а совершенно особые, дорюриковские, понтийские росы¹¹⁷, сходством в названии которых с Киевской Русью обманулись многие начиная с «почтенного Нестора». Этого Шлецеру так и не простили ни Гедеонов, ни Иловайский, считавшие, что геттингенский историк просто «изобрел» этих особых понтийских ‘Рῶς’ов...

Но посильнее многих иных аргументов значится в одном договоре императора Византии с генуэзцами XII века красноречивое по форме и говорящее само за себя имя города ‘Ρωσία – «Россия», рядом с Таматархой – Тмутараканью¹¹⁸ – и, как полагают, там же, где локализуются и более древние следы названия *Рос*, и относительно более поздние, впрочем тоже с достаточно раннего времени, объединяемые общим понятием «Русь восточных источников». Некоторые из этих не всегда однозначно интерпретируемых следов кратко уже упоминались.

Есть сведения о некоем городе *Русия* и в Крыму (ал-Идриси, XII в.)¹¹⁹, но особенно упорно повторяются известия об острове *Русия* (ар-Русийа) у Ибн Русте (Ибн Даства), начало X века, аналогично – у ал-Мукаддаси¹²⁰. Речь явно ведется не об одном или двух городах, географическую привязку которых к Керченскому проливу вряд ли можно оспорить (ср. выше греческую запись ‘Ρωσία), хотя подобные попытки предпринимаются в современной литературе беспрестанно. По-видимому, о том же самом географическом объекте говорится в сочинениях ранних восточных географов как **об острове русов**, острове нездоровом, сыром, покрытом зарослями, расположенном среди маленького моря, ср. и поучительное указание Димашки, что русы населяют острова **в море Майотис**¹²¹. Море Майотис – это Меотида, Азовское море, а острова в полном смысле слова на этом море, у его южных берегов, – это участки низменной, сырой земли, разрезанные рукавами кубанской дельты. Это была целая своеобразная страна, правда, достаточно обозримая, небольшая по размерам. В частности, интерес представляет точная топографическая деталь, сообщаемая, например, у Ибн Русте,

¹¹⁴ Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Ethnologische und historisch-topografische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts (ca. 840 – 940). Leipzig, 1903., с. 361, 365.

¹¹⁵ Березовець Д.Т. Про ім'я носіїв салтівської культури // Археологія, т. XXIV, 1970, с. 67.

¹¹⁶ Иловайский Д.И. Разыскания о начале Руси. Изд. 2. М., 1882, с. 74 – 75.

¹¹⁷ Шлецер А.Л. Нестор. Русские летописи на древле-славянском языке, сличенные, переведенные и объясненные А.Л. Шлецером. Часть I. Перевел с немецкого Дм. Языков. СПб., 1809, с. 56, 258; *Он же*. Нестор. Русские летописи на древле-славянском языке. Часть II. СПб., 1816, с. 92 – 93, 109, 114.

¹¹⁸ Левченко М.В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, с. 308.

¹¹⁹ См. Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI – IX вв. В кн.: Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 403.

¹²⁰ Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, с. 267; Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI – IX вв. В кн.: Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 397 – 398.

¹²¹ Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II. М., 1967, с. 79, 80.

где говорится о русах, живущих на острове длиной **в три дня пути**¹²². Три дня пути – это расстояние не больше 90 – 100 км. При взгляде на карту с учетом элементарной топографической реконструкции (река Кубань до XIX века еще впадала одним рукавом в Черное море, позднее сменив этот рукав на азовское русло) мы отчетливо можем представить себе этот древний островной участок суши, ограниченный старым (черноморским) руслом Кубани на западе и другим важным ее рукавом – Протокой – на востоке (вспомним, что именно там был расположен *Копыль* = **Utkanda*). И длина этого острова как раз примерно будет соответствовать 90 – 100 км, то есть трехдневному пути по восточным географам. Страна древних русов располагалась в кубанских плавнях, где когда-то были земли античных синдо-меотских племен – дандариев и собственно синдов. Здесь мы наталкиваемся на серьезное сопротивление со стороны части современных историков: «Помещать «остров» русов на юге в области Азовского моря оснований нет»¹²³. Особенно остро это связано с проблемой Артании. Речь идет о преданиях средневековых арабских географов о трех видах, или трех племенах, Руси: Куйаба, Слава (Славия), Артания (Арта, Арсания, Арса). Сейчас преобладает чтение Арсанийа (ал-Арсанийя)¹²⁴. На таком чтении можно было бы особенно и не настаивать, поскольку, по свидетельству специалистов, речь идет, в сущности, о приблизительной передаче недостаточными средствами русского письма и фонетики глухого межзубного согласного (араб. $\cdot\cdot$ = англ. th)¹²⁵, и в меньшей степени соответственно, было бы оправданно более старое и традиционное чтение *Артания*. В его пользу, кстати, говорило бы и этимологическое сближение *Артания* и *alia Tana* средневековых итальянских документов, лежащее, так сказать, на поверхности явлений, но в литературе почему-то мне нигде не встретившееся; я впервые услышал о нем от своего покойного друга, не лингвиста по профессии – художника-реставратора Воронцовского дворца-музея в Алушке Л.Н. Тимофеева – и, в общем, склонен видеть именно в нем толкование, наиболее глубоко и непротиворечиво осмысливающее все имеющиеся сюда отношение формы. Смысл в том, что в элементе *Tan(a)* обеих приведенных выше форм скрывается название реки Дон (я здесь не касаюсь дублетного отношения *Tawāṭ* – Дон, которое, конечно, заслуживает особого комментария, предположительно, уводящего далеко за хронологические рамки нашего изложения; для меня в данном случае существенно, что до сих пор дублетность *d/t* в этих названиях Дона не считалась препятствием для их тождества). Что касается начала названий *alia Tana* и *Artania*, то в обоих случаях можно подозревать преломленное отражение более глубокой языковой старины, в итальянском случае – обыгранное в духе романской народной этимологии как якобы сочетание предлога с грамматическим членом *alia*, вторичность чего сразу видна при сравнении с «похожим» началом *Ar*– арабского случая. Кстати, другой, обычно игнорируемый вариант на *Au*– (русск. *Au*-)¹²⁶, возможно, значительно приближает нас к туземному звучанию предлога-приставки **au*– (ср. **au-sili*– и уже обсуждавшиеся выше возможности сохранения здесь следов оборота «по Дону», «По-донье»). Но это моя точка зрения вместе с попыткой ее объяснить, и она резко отличается от господствующей в нашей отечественной истории сегодня, где выбор в пользу чтения *Арсания* произошел скорее не по фонетическим и палеографическим, а по «идеологическим», так сказать, мотивам, например по большому соответствию чтения *Арс*– северной, варяжской концепции Томсена, который усматривал в названии третьего племени

¹²² Там же, с. 78.

¹²³ Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI – IX вв. В кн.: Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 403.

¹²⁴ Там же, с. 411, 413, 418; Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1900, с. 20; Бейлис В.М. Ал-Идриси (XII в.) о восточном Причерноморье и юго-восточной окраине русских земель. В кн.: Древнейшие государства на территории СССР. 1982. М., 1984, 214.

¹²⁵ Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, с. 200.

¹²⁶ Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, с. 193.

Артаниях у аль-Истахри, аль-Балхи (X век) «какое-нибудь финское племя» – мордву, эрзя или пермь¹²⁷. Понятно, что чтение *Арсанийа* формально лучше «соответствует» сближениям с Арзамасом, Рязанью или эрзя, однако это очень напоминает конструкцию ad hoc. В том же русле идут дальнейшие и нам не очень понятные поиски третьей страны русов «где-то на севере Восточной Европы», например «в районе Ростова – Белоозера»¹²⁸. Откровенными издержками интерпретаторства в этой области и даже его тупиком я считаю попытку призвать тут на помощь «Ж. Дюмезиля и его школу», «тернарные (троичные. – *О.Т.*) структуры», когда автор, находясь под гипнозом числа 3 и отчаявшись локализовать третью Русь, заявляет нам о «сакральной функции Арсы»¹²⁹. С реальной историей это имеет мало общего. Гораздо более информативным и объективным нам покажется старое уже территориальное отождествление Артании и Тамани, **включая северо-восточную часть кубанской дельты** «между северным рукавом Кубани, или Черною Протокой, и Курчанским, или Верхнетемрюцким, лиманом. Эта низменность наполнена плавнями, т.е. тростником и болотами»¹³⁰. Ср. и самостоятельные поиски Соболевского в этом же направлении и его чтение *Артания* как **Var-tan* «дельта Кубани», сюда же *Οαρδάνης* «Кубань», а также *Дон*, *Танаис*¹³¹, в котором трезвой комбинаторики все же больше, чем в вышеназванных северных поисках среди Арзамаса, эрзи и Рязани. На слабость последних по части исторического реализма совершенно справедливо указывал Б.А. Рыбаков: «Пренебрегая тем, что ученые халифата вплоть до середины X в. весьма смутно представляли себе северную зону Старого Света, авторы новейших работ о восточных источниках многократно пытаются убедить в том, что русов (имеются в виду «русский каганат» и «остров русов» арабской географии. – *О.Т.*) следует искать не на южной окраине славянского мира, а где-то далеко на севере...»¹³².

Большая загадка русской истории и филологии – происхождение названия *Русь* – все еще служит предметом споров между двумя лагерями ученых, представляющих соответственно две группы аргументов и контраргументов: северную и южную.

Я далек от непосильного намерения изложить здесь подробно всю историю вопроса, да это, может быть, и не нужно, поскольку есть не только литература вопроса (в которой, пересказывая ее более или менее подробно, можно утонуть надолго...), но и – что существенно – есть также современные компактные очерки состояния проблемы. Мне показалось более интересным и актуальным выделить здесь, в первую очередь, то, что может быть сказано нового, наряду с критической сравнительной оценкой того, в какой степени «южная» и «северная» школы сохранили либо, *vice versa*, утратили свою перспективность. Надеюсь, что мое словоупотребление абсолютно прозрачно – в том смысле, что под «северной» я понимаю норманнистскую школу, а под «южной» школой – антинорманнистскую, стараясь, таким образом, не без умысла, избегать, по возможности, всяких терминов на «анти-», порядком приевшихся и даже дезориентирующих мысль, давая пищу политическим толкам. Ни в малейшей степени не замахиываясь на решение проблемы происхождения русского государства, которую научная и околонучная общественность все еще охотно связывает с «варяжским вопросом», что в устах средств массовой информации обретает порой просто

¹²⁷ Томсен В. Начало русского государства. М., 1980, с. 35.

¹²⁸ Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI – IX вв. В кн.: Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 403, 419, ср. также Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Русь и варяги // Сб. Славяне и скандинавы. М., 1986, с. 205 и сл.

¹²⁹ Петрухин В.Я. Три «центра» Руси. Фольклорные истоки и историческая традиция. // Художественный язык Средневековья. М., 1982, с. 148.

¹³⁰ Иловайский Д.И. Разыскания о начале Руси. Изд. 2. М., 1882, с. 291 и сноска.

¹³¹ Соболевский А.И. «Третье» русское племя // Доклады АН СССР, 1929, с. 57.

¹³² Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII – XIII вв. М., 1982, с. 175.

вульгарные формы¹³³, я вместе с тем отнюдь не исключаю, что даже преимущественно историко-филологическое рассмотрение вопроса может прояснить, со своей стороны, и историю политики (вспомним слова Александра Брюкнера, процитированные в начале очерка). Если я в своем изложении следую направлению с юга на север – направлению, которым следовало развитие истории, и если я, далее, все же избираю свой вариант «южной», а не «северной» школы, я искренне хотел бы надеяться, что читатель, независимо от того, чью сторону он сам принимает, внимательнее приглядится к моим научным филологическим аргументам. Сейчас, когда все (или многое) рушится или демонтируется, вряд ли благо-разумно относить к числу демонтируемого, скажем, версию южного происхождения слова «**русь**» **только на том основании**, что, как сообщают нам историографы, «мнение о южном происхождении термина «русь» «в советской науке побеждает» именно в 1940-е годы¹³⁴, а в те годы, как известно, царил сталинизм, и вот – испытанный силлогизм готов, в том духе, что автор, побуждаемый «ложно понятым патриотизмом», «реанимирует» «официальную» версию. Нет, в «южной» школе, и именно в ней, еще много такого, что может быть углублено и развито, заслуживает, в общем, самого пристального изучения и, в конечном счете, заставляет нас склониться в ее пользу. Это «многое» поддается формулировке в духе ответов на два важнейших вопроса: 1) насколько рано интересующее нас имя выступает на Юге и на Севере и 2) какой путь целесообразнее избрать, дабы расшифровать «неопределенность значения» названия Русь, которую и триумфирующий норманнизм все же вынужден был признать¹³⁵.

Начнем с того, что на Севере, даже на русском, новгородском Севере имя *Русь* было распространено слабо и прижилось уже на глазах письменной истории, что уже априори, кстати, делает сомнительным попытки исконно русской этимологии *Русь* < *Руса*, *Старая Руса*, *Неруса*, *русло* или, скажем, *русый* – «светлый», «светловолосый»¹³⁶. Но интересно далее то, что и балты, жившие южнее новгородских словен, тоже долго не знали «этого общего наименования восточных славян»¹³⁷.

Наш острый интерес вызывает упомянутая проблема ранних датировок имени *Русь*. Дело в том, что его датировка **имеет неуклонную тенденцию к удревнению именно на Юге**. Обычно «первое не вызывающее сомнений упоминание» связывают с IX веком, указывая, прежде всего, дошедшее до нас коротенькое сочинение анонимного Баварского географа¹³⁸. Возьмем тот факт, что в этом достаточно своеобразном «Описании городов по северному берегу Дуная»¹³⁹ четко названы *Ruzzi* – собственно, латинский плюраль «руссы», причем названы в недвусмысленном контексте, по соседству с хазарами (*Caziri*), что как бы возвращает нас в Приазовье и Подонье, туда, где, по Идриси (XII век), была какая-то особая «*Русь-Тюрк*», скорее всего полиэтническая и генетически не славянская, но с перспективой постепенной славянизации, усвоения собственно славянской Русью. Другое, еще более знаменитое, упоминание росов, Руси IX века принадлежит так называемым Вертинским анна-

¹³³ Так, недавно, а точности ради – в среду, 17 февраля 1993 года, специальная передача, посвященная русскому вопросу, по Московскому телеканалу центрального телевидения содержала в своей вступительной, исторической части буквально следующие слова, произнесенные дикторским голосом (за кадром) бесстрастным тоном непререкаемого оракула: «Так начиналась Русь Киевская, или Варяжская...»

¹³⁴ Советское источниковедение Киевской Руси. Исторические очерки. Л., 1979, с. 161.

¹³⁵ Томсен В. Начало русского государства. М., 1890, с. 34.

¹³⁶ Rospond S. Pochodzenie nazwy Rusz // Rocznik slawistyczny, t. XXXVIII, cz. I, 1997, с. 48.

¹³⁷ Horák B. Trávníček D. Descriptio civitatum ad septentrionalem plagam Danubii // Rozpravy ČSAV, ročn. 66, řada SV, seš. 2, 1956, с. 2 – 3.

¹³⁸ Rospond S. Pochodzenie nazwy Rusz. // Rocznik slawistyczny, t. XXXVIII, cz. I, 1997, с. 39.

¹³⁹ Horák B. Trávníček D. Descriptio civitatum ad septentrionalem plagam Danubii // Rozpravy ČSAV, ročn. 66, řada SV, seš. 2, 1956, с. 2 – 3.

лам под 839 годом¹⁴⁰; этого известия, одного из краеугольных столпов варяжского (норманнского) вопроса, мы коснемся ниже специально. Примерно серединой того же века датируют известия о набегах с моря на Византию «варваров рос» с их таврской ксеноктонией (обычаем убивать чужеземцев)¹⁴¹. Нет достаточных оснований связывать этот «информационный взрыв» известий о племени рус, рос IX века с активностью северных германцев в том же и последующих веках. Здесь отметим, прежде всего, что, например, последнее известие из византийского жития св. Георгия Амастридского слишком уж явно тяготеет к характерной выделенной нами выше зоне, охватывающей часть побережий Приазовья и Причерноморья. Именно здесь выявляются дальнейшие перспективы не только этнической привязки, но и значительно более глубокого удревнения и в целом – формального разнообразия соответствующих свидетельств, а также раскрытия, прочтения их этимологического значения.

Уже в начале своего рассказа о Руси Азовско-Черноморской и о том, куда достают ее корни, я кратко назвал группу слов и географических названий, которые целиком принадлежат древнему местному дославянскому субстрату и образуют как бы два заметных анклава: один более или менее приурочивается к древнему Боспорскому царству и позднему Тмутараканскому княжеству, другой – к Днепро-Бугскому лиману и примыкающей исторической Синдской Скифии (*Scythia Sindica*). Эти оба района не изолированы друг от друга, если принять в расчет соединяющие их случаи из таврского этнического пояса. Если добавить сюда определенную радиацию – главным образом, думаю, из приазовского региона на север от Азова, в зону «Русь-Тюрк» (см. выше), то мы получим довольно реальное представление, **как и откуда** все начиналось. Вот эти имена (я занимаюсь ими более обстоятельно в серии своих статей по индоарийской проблеме к северу от Черного моря, обзор которых занял бы слишком много места, а поскольку моим намерением является объединение всех этих работ в монографическом как бы издании, я позволю себе ограничиться здесь обобщенной ссылкой на эту рукопись под названием «Indoarica в Северном Причерноморье»): ***Roka-/*Rauka-**, сюда относятся *rocas/rogas*, народ у Черного моря, по Иордану (см. об этом выше), с вскрываемым на индоарийской (праиндийской) языковой почве нарицательным значением «светлый», «белый», ср. древнеиндийское *rokā-* «свет»; ***Roka-ba-/*Ruka-ba-**, в общем сюда же, название местности по Нижнему Днепру; ***Ruk-osta-/*Ruk-usta-** «светлое устье», откуда *Уркуста, Рукуста*, деревня в юго-западном Крыму, ср. др.-инд. *ruk-* «свет», «блеск», *ōstha-* «губы», «уста»; ***Ruksa-tar-/*Rossa-tar-** «белый берег», откуда *Rosso Tar*; место на западном берегу Крыма в Средние века, ср. др.-инд. *ruksā-* «блестящий», здесь – с весьма заметным диалектным упрощением *ks>ss*; ***Ruksi-** в составе племенного названия *Ρευξίναλοι* (декрет Диофанта, II в. до н. э., место действия – Таврика) интересно как своей формой на *-i* с потенциальным дальнейшим развитием ***Ruksi->*Russi-**, весьма знаменательным для нас, так и глубокой хронологией; в относительной близости расположены кучно на восточном берегу Боспора Киммерийского (Керченского пролива) упомянутые Птолемеем (II в. н. э.) и писателем уже раннего византийского времени Стефаном Византийским города *Κορωνσία, Γέρουσα, «Αστερουσία*, в нашей догреческой реконструкции – ***Ko-rusia, *Ge-rusa, *Asta-rusia**, все – со значащим компонентом ***Rusa, *Rusia** в составе, тождество которого с местным же городом *Ρωσία* (о нем – выше), как и со всем приведенным выше рядом наших цветообозначений, нельзя не видеть. Таким образом, упоминание сирийским автором VI века Захарией Ритором где-то к северу от Кавказа, близ Дона, **народа рос**¹⁴² имеет под собой довольно реальную почву. Именно на этой почве оказалось

¹⁴⁰ Latin sources on North-Eastern Eurasia by P. Aalto and T. Pekkanen. P. II. Wiesbaden, 1980, p. 59.

¹⁴¹ Васильевский В.Г. Русско-византийские исследования. Вып. 2. Жития св. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского. СПб., 1893.

¹⁴² Советское источниковедение Киевской Руси. Исторические очерки. Л., 1979, с. 69.

возможным осмысление библейского «Рош» (Иез. XXXIX, 1) как псевдоэтнонима. Таким образом, не один IX век, но практически все I тысячелетие оказывается довольно равномерно заполнено свидетельствами нашей корневой группы. Индоарийская языковая принадлежность этих свидетельств для нас довольно очевидна: иранская форма от **rauuka-/*ruk-* выглядела бы иначе – *ruh-* (оставляем здесь в стороне другие, словообразовательные, отличия иранского продолжения этого общего индоевропейского корня **leuk-* «свет», «светить», «белый»). Мы отмечаем все это здесь специально, поскольку в умах и писаниях наших историков все еще бродит альтернативное предание о скифо-сарматском (то есть иранском) происхождении слова «Русь», лишенное, как я думаю, лингвистической опоры.

Вообще же круг туземных форм ономастики Северного Причерноморья, объединяющихся вокруг обозначенного выше **rukxa-/*ru(s)sa-* «светлый», «белый», может быть пополнен. Сюда с большой долей вероятности относится, например, иначе не объяснимый термин Константина Багрянородного для северо-западного побережья Черного моря: Χρυσὸς Λευόμενος. Попытка прочесть это по-гречески («называемый «золото») лишь обнаруживает народно-этимологическую, вторичную природу осмысления в связи с греческим Χρυσὸς «золото» совсем не греческого местного названия, которым не могло не быть наше **ru(s)sa-* «светлый», «белый». Следы его не ограничиваются серединой X века (эпоха Константина Багрянородного), и я хотел бы выделить это особо, имея в виду заявленные выше ресурсы удревнения аргументов «южной» школы. Так, с нашей точки зрения, указанное осмысление местного индоарийского **russa-* «светлый», «белый» как греческого Χρυσή представлено еще у греческого писателя Евсевия, умершего в 1-й половине IV века. Область под таким названием упоминается у него в ряду народов и стран Северного Понта и Кавказа: ... ἐν πασι τοῖς ἐξ ἀρκτῶ μερῶν τοῦ Πόντου ἔθνεσι, καὶ ὅλη τῇ Ἀλαβία καὶ Ἀλβανία καὶ Ὠτηνῆ καὶ Σαννία καὶ ἐν Χρυσή...¹⁴³. Интересно, что греки **помнили** значение нашего туземного северопонтийского названия **ru(s)sa-*. То, что дело не ограничивалось его глухим отражением в виде «греческого» Χρυσή, Χρυσὸς Λευόμενος, хорошо видно по территориальному совпадению хотя бы Χρυσὸς Λευόμενος и чисто греческого обозначения Λευκὴ ἀκτὴ «белый берег». Но помнили о значении туземного названия и люди древней, собственно Киевской Руси, как о том нам ярко свидетельствует древнерусское обозначение устья Днепра – Белобережье. Мотив его называния **белым** не в том, что «тут на поверхность выходят вапняки...»¹⁴⁴. Я давно уже думаю об отражении здесь, то есть в Белобережье, Χρυσὸς Λευόμενος, туземном Rossa Tar (буквально «белый берег»), древней местной традиции называть Северное Причерноморье **Белой, Светлой стороной**, о чем уже писал¹⁴⁵.

Обилие относящихся сюда свидетельств, к которым продолжают присоединяться новые, достаточно красноречиво, как и их формальное разнообразие, о котором придется сказать и далее. Простое перечисление рассмотренных выше **Roka-*, **Ruka-*, **Rukxa-/*Russa-/*Rossa-*, **Rukxi-/*Russi/ *Rusia* говорит само за себя. Эти данные практически еще плохо используются для этноисторической аргументации, хотя интерес представляют неоспоримый. Взять хотя бы один только этот боспорский город Ῥωστία, поздний, с нашей точки зрения (XII век), и все же неслучайно на добрых два века опережающий по времени греческую форму названия нашего отечества – Ῥωστία, которая, по мысли некоторых ученых, даже обязана своим употреблением в нынешней форме (**Россия!**) византийской канцелярии... Очевидно, дело было не совсем так, как обычно думают. И пережиточные следы

¹⁴³ Латышев В.В. Scythica et Caucasia. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I. Греческие писатели. СПб., 1893, с. 664.

¹⁴⁴ Етимологічний словник літописних географічних назв. Південної Русі. Відповід. ред. О. С. Стрижак. Київ, 1985, с. 27.

¹⁴⁵ Ср. и один из откликов в Карпенко О.П. Літописне Білобережжя. // Давньоруська ономастична спадщина в східно-слов'янських мовах. Збірник наукових праць. Київ, 1986, с. 40 и сл.

древнего значения туземных южных форм (выше), откуда мы, как читателю, надеюсь, уже стало понятно, выводим наше *Русь, русский*, все же гораздо лучше сохранились, чем можно было бы думать.

Опуская здесь целиком свою попытку осмысления слова «Русь», **Ruksi, *Russi* в духе пространственной (географической) ориентации – «белая» в смысле «западная (сторона)»¹⁴⁶, я бы выделил в связи с только что сказанным показавшееся мне остроумным наблюдение Б.А. Рыбакова, который увидел разительное сходство между употреблением титула *свет-малик* «свет-царь» у южных русов Ибн-Русте начала X века и троекратным упоминанием *светлых князей* в договоре Руси с греками 911 года, то есть практически того же времени¹⁴⁷. Оценку важности этого случая можно даже усилить, указав на то, что в третьем примере такого рода в договоре Олега (1. «...иже послани от Олга, великого князя Русаго, и от всех, иже суть под рукою» его, светлых и великих князь...»; 2. «...от сущих подь рукою наших князь светлых...»; 3. «...ко княземь нашим светлым руским...»)¹⁴⁸, мы видим замечательное соседство *светлым руским*, которое еще сохраняет характер глоссологического осмысления, перевода: *руским = светлым*. А то, что традиции понимания значения слова «Русь» как «светлая сторона» сохранялась очень долго, до нашего времени, не только вполне возможно, но и заслуживало бы выявления и специального изучения, как этот далевский народный пример *русь* «(белый) свет» (Даль IV, 114)¹⁴⁹.

Если в Приазовье действительно имеет место «этническое скопление «белых»¹⁵⁰, то его отражения и продолжения с большой долей вероятности простирались и дальше, на север, в аланизированный регион, где они могут выступать в аланизированной форме, как, например, название *Rochouasco* в Орозии короля Альфреда (IX в.): «И эта река Данай течет оттуда на юг, на запад от алтарей Александра, в [землю] народа Рохуасков»¹⁵¹. *Rochouasco* – это, по-видимому, не роксоланы, вопреки Г. Лябуде и В.И. Матузовой, скорее всего это иной реликт, причем – не на верхнем Дону (Рохуаско находится на юг, по течению реки Данай-Дон, см. выше), а в той важной излучине этой реки, где был Саркел/Белая Вежа. В этом контексте *Rochouasco* читается нами как **ruk-vaska* – «белый дом» и вполне может идентифицироваться как индоарийский (меотский, иксоматский, на Дону) реликт, позднее отраженный, калькированный тюркским (хазарским) Саркел и древнерусским Белая Вежа «белый дом». Ср. др.-инд. *ruk* – «блеск» (здесь – в аланизированной форме, с аспирацией: *rux-*), *vāsá-* «жилые».

Таким образом, Русь имеет хорошую привязку, максимально древнюю хронологию и получает осмысленную этимологию (прочтение первоначального значения) именно на Юге. Севером в этих аспектах мы по-прежнему еще займемся далее, хотя уже априори сомнительно, чтобы там обнаружился материал, способный соперничать с изложенным выше – пункт за пунктом. Есть еще один аспект нашей проблемы, который опять-таки решается в духе «южной» школы, иначе мы упираемся в тупик. Я имею в виду такую общеизвестную

¹⁴⁶ Аналогичную – внешне – попытку объяснить Русь из алан. (иран.) *ruks* «светлый» [см. историю вопроса в Шаскольский И.П. Вопрос о происхождении имени Русь в современной буржуазной науке // Критика новейшей буржуазной историографии. Л., 1967, с. 128 и сл., особенно – с. 172] и, соответственно, – связать с именем роксоланов (ир. **ruks-alan-*) мы отводим, возвращая читателя к тому факту (см. выше), что, судя по всему, именно в прибрежной полосе предположительно индоарийских диалектов преимущественно выступают примеры «пракритического» упрощения *ks>ss* (Rosso Tar, Κοροβσία, Γέροβσα, Ἀστεροβσία, Ρωβσία, выше), наряду со случаями «задержки» перехода (ῥευξίναλοι).

¹⁴⁷ Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII – XIII вв. М., 1982, с. 173.

¹⁴⁸ Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII века. Составление и общая редакция Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. М., 1978, с. 46, 48.

¹⁴⁹ Цитируемый мной по: Словник гідронімів України. Ред. кол.: А.П. Непокупний, О.С. Стрижак, К.К. Цілуйко. Київ, 1985, с. 119.

¹⁵⁰ Стрижак О.С. Етнонімія птолемеевої Сарматії. У пошуках Русі. Київ, 1991, с. 196.

¹⁵¹ Матузова В.И. Английские средневековые источники IX – XIII вв. Тексты. Перевод. Комментарий. М., 1979, с. 23, 27.

особенность, как «двойственная огласовка корня» *у/о*: *Россия – Русь*. В свое время была предпринята энергичная попытка противопоставить их как южно-северную двойственность первоначально не связанных между собой (!) названий, причем формы на *-у-* указывались исключительно на севере (*Русь, Порусье, Старая Руса*), а на юге будто бы только на *-о-*: библейское и византийское *Ῥως* и так далее, включая собственно форму *Россия*¹⁵². Я не стану входить здесь в детали толкования автора, но, на мой взгляд, он ошибся в главном: обойдя вопрос происхождения древних южных форм, имеющих сюда отношение, он был не в состоянии заметить и оценить тот факт, что «двойственность» *о/у* есть не более как отражение древнего индоевропейского чередования гласных в его местном, индоарийском, варианте *Rok-* (**rauk-*), *Ruks-*, *Ross-/Russ-*. Оба варианта – на *-о-* и на *-у-* изначально представлены на Юге. Это очень существенно, потому что последующие десятилетия не внесли в вопрос ни малейшей ясности, ср. красноречивое признание, что «замена *-у-* на *-ω-* (в *Ῥως* по отношению к *Русь – О.Т.*) не имеет объяснения...»¹⁵³. Свое объяснение наличием органических корней этого двойственного чередования гласных на Юге мы постарались только что дать (выше), полагая, вместе с тем, что необходимо назвать и явно неудачные искания последних лет на эту тему. Например, Прицак в своей новой обширной статье повторяет старый тезис о том, что вокализм византийского *Ῥως* навеян библейским, древнееврейским *rōš* «главный князь» (греч. ἀρχοντα *Ῥως*, Иез. 38), тогда как огласовку ар-Рус (Ибн Хурдадбех) он считает «рейнской формой»¹⁵⁴, что с лингвистической стороны осталось для меня непонятным. Впрочем, к деталям «западной» версии Прицака мы еще вернемся. Более «аккуратный» характер носят, оставаясь притом исторически неточными, попытки истолковать *-о-* формы нашего имени *Русь* как «грецизацию»¹⁵⁵, вслед за Фасмером, хотя сводить «среднегреческое» *οί* *Ῥως* к отражению древнерусского *Русь*¹⁵⁶ значит игнорировать собственные давние южные корни и наличие северопонтийского ареала этого *Ῥως*. Для полноты картины могут представить интерес и материалы диалектологии собственно греческого языка, в частности, содержащие указания на возможность замены также *ο* или *ω* на *ου*¹⁵⁷.

Вопрос о происхождении имени *Русь* объективно сложен, о чем свидетельствуют, в частности, дополнительные «затемнения» на пути к его решению, одно из них – возникшая как бы попутно, помимо уже классических «северной» и «южной» школ, та, которую мы условно назвали выше «западной версией». Кратко скажем и о ней, не скрывая от читателя, что речь все же идет о недоразумении, хотя и этой версии сочувствуют несколько ученых. Назовем двух из них – Ловмянского, который на этот счет совсем краток; в обстоятельной главе V «Происхождение и значение названия Русь» своей уже известной нам книги¹⁵⁸ он вспоминает, что «доказывал, что русами назывались жители острова Рюген...» – и особенно, конечно, также уже упоминавшегося профессора Гарвардского университета Прицака, статья которого¹⁵⁹ просто изобилует странными утверждениями также и по этому поводу. Суть же вот в чем. Епископ Адальберт, побывавший в Киевской Руси у княгини Ольги пишет о ней как о «королеве ругов» (*regina Rugorum*). Руги, или ругии (в латинизированной записи), – германское племя в Южной Прибалтике, их название, довольно ясно связанное с германским

¹⁵² Брим В.А. Происхождение термина Русь // Россия и Запад. Пг., 1923. Т. I, с. 5 и сл.

¹⁵³ Ловмянский Х. Русь и норманны. М., 1985, с. 189.

¹⁵⁴ Прицак О.И. Происхождение названия RŪS/RUS // Вопросы языкознания 1991, № 6, с. 116 – 117, 123.

¹⁵⁵ См. Respond S. Pochodzenie nazwy Rusь // Rocznik slawistyczny, t. XXXVIII, cz. I, 1997, с. 41.

¹⁵⁶ Vasmer M. Die Slaven in Griechenland. Leipzig, 1970 (репринт), с. 239.

¹⁵⁷ Толкачев А.И. О названии днепровских порогов в сочинении Константина Багрянородного De administrando imperio (в связи с работой К.-О. Фалька на ту же тему) // Сб. Историческая грамматика и лексикология русского языка. М., 1962, с. 53, там же сведения о дальнейшей литературе.

¹⁵⁸ Ловмянский Х. Русь и норманны. М., 1985, с. 170.

¹⁵⁹ Прицак О.И. Происхождение названия RŪS/RUS // Вопросы языкознания 1991, №6, с. 124, 125, 126.

названием ржи (*rugi), оставило по себе память в названии острова Rugen. Двинувшись, подобно готам, на юг, ругии с V века – на Дунае, то есть в центре Европы¹⁶⁰, что делало их хорошо известными в тогдашнем европейском мире. Необходимо добавить, что книжники всей культурной Европы того времени – с франкского Запада до византийского Востока – отнюдь не следовали правилу именовать народы, особенно живущие на перифериях европейской ойкумены, «своими» именами. Как правило, на более отдаленные народы переносились известные в литературе, укоренившиеся старые имена, порой лишь созвучные с туземной этнонимией. Не считаясь с этим канонем тогдашнего литературного «хорошего стиля», мы ничего не поймем в чисто литературной дальнейшей радиации «ругов», ибо перенос их имени на «варварских» русов ничем иным не был. Прицак теряется в догадках, «почему Адальберт... спутал... ее (Руси. – *O.T.*) народ с древнескандинавскими ругами», явно недооценивая ученость епископа, который отнюдь не «путал», а лишь изящно переносил название народа ближнего на отдаленный. Точно так же греки якобы «путали» с русами тавро-скифов: ученая традиция (или мода), идущая обычно вслед расширению ближней ойкумены. При этом этнические названия обычно переносились по направлению с юга на север и с запада на восток, в общем – путем, которым шла и христианизация Европы. Вот и весь секрет ругов. Почти все остальное, что еще утверждает о них Прицак, пожалуй, столь же абсурдно. А он выстраивает целый ряд *Ruti> *Rudi> *Rugi, необходимый ему, чтобы увязать их с рутенами. Но дело в том, что и имя *Ruteni*, обозначавшее первоначально кельтское племя в Аквитании (юг Франции)¹⁶¹, было в латинской литературе средневекового Запада также употреблено по отношению к Руси (XI в.), и эта традиция просуществовала почти до середины XX века, ср. нем. *Weiß-ruthenien* – о Белоруссии. Мы не станем дальше развивать здесь эту продуктивную тему, для нас важнее показать беспочвенность громоздкого построения Прицака, будто названия *Russ-/ Rus-* оказались перенесены в Восточную Европу «рутено-фризско-нормаунской торговой компанией»... Из всего нашего предыдущего изложения ясно, что вторичные европейские литературные традиции лишь наслаивались на созвучные самобытные и эндемичные для юга Восточной Европы звукокомплексы типа корня *rus- («белая сторона»), попавшего своими путями и в письменность Востока (араб. *ar-Rus* и др.). Чтобы закрепить прозвучавший выше тезис о вторичном ученом переносе некоторых этнических названий из более южных в более северные части Европы, добавим такой пример, который мы по сей день активно употребляем в своей речи. Это прилагательное *датский*, которое сейчас преспокойно воспринимается как «производное» от *Дания*, тогда как на самом деле *датский*, а точнее – *дацкий*, образовано от названия южной, карпатской страны римского времени *Дакия* (лат. *Dacia, Datia*) и первоначально могло означать только «дакский», а на скандинавскую страну Данию перенесено лишь впоследствии¹⁶², ср. совершенно аналогичное, хотя и более эфемерное, употребление названия римской приальпийской провинции *Noricum* и ее населения – *Norici* применительно к Норвегии и норвежцам. Именно в эту модель расширительного, переносного употребления укладываются рассмотренные выше рутены и ругии. **Подобные переносы с севера на юг нам неизвестны**, да они и противоречили бы магистральному направлению исторического развития. Точно так же – с Юга на Север – была перенесена и расширительно употреблена Русь северопонтийская, таврическая, придонская, приазовская – на Русь славянскую, в том числе днепровскую, и так – вплоть до «Руси» варяжской, о чем мы еще будем говорить, рассчитывая, что все предыдущее наше изложение построено так, чтобы облегчить и сделать понятнее этот непростой путь. Путем этнической метонимии шло с юга на север и имя тавров – сначала мифическое,

¹⁶⁰ Der Kleine Pauly. Lexikon der Antike. Bd. 4. München, 1979, стб. 1468.

¹⁶¹ Там же, стб. 1471.

¹⁶² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Изд. 2-е. М., 1986 – 1987, т. I, с. 485.

потом этническое название, которому уже в Северном Причерноморье суждено было причудливо скрестить свои судьбы с именем *росов/русов*, и это могло обернуться по-разному. Но сначала, в глубокой древности, был культ божественного Тавра-Быка на одном из бесчисленных островов греческой Эгеиды. Полагают, что поначалу Таврикой был остров Лемнос, хоть и необязательно точно локализовывать древний миф. Но уже до Геродота «легенда о мифической Таврике... была приурочена к Крымскому полуострову, название мифических тавров перенесено на местный народ...»¹⁶³. Начало, как видим, было более чем причудливым, но важно продолжение. Имя тавров не имело корней в нашей Таврике, в самих таврах, индоарийцах по языку, как я теперь думаю; не было оно, по всей видимости, и самоназванием этого замкнутого, жестокого к иноземцам племени. Но мощь греческого книжного влияния и употребления, пришедшего сюда с расширением греческой ойкумены, не следует приуменьшать, его отпечаток на формирующихся самоназваниях местного этноса в регионе также вполне вероятен.

Ведя наименование Руси из Северного Причерноморья, мы вправе вспомнить, что оттуда же, согласно древним свидетельствам и надежной этимологии, идут и названия двух других славянских народов – сербов и хорватов, которым для того, чтобы внедриться в славянский мир, предстояло проделать гораздо более долгий путь, чем названию Руси славянской, **одним из факторов формирования которой было соседство с северным берегом Черного моря**. Не будет большим преувеличением признать здесь наличие очага этнообразующих влияний.

Полностью не исключая возможности, что характерная форма на *-i Русь* генеалогически связана с формально близкими южными дославянскими **Ruksi*, **Rusia*, описанными выше, мы хотели бы подчеркнуть здесь правильность наблюдения, что название Русь органично включилось как собирательное в ряд таких же собирательных имен русского языка, в число которых входят наряду с аппеллативной лексикой также этнонимические обозначения: *знать*, *чернь*, *челядь*, *чудь*, *весь*, *корсь*¹⁶⁴. Нельзя не видеть чисто славянского, славяно-русского словообразовательно-морфологического облика этих образований. Примеры вроде польск. *Siewierz* (из древнего **sěverь*), центр старинного княжества к западу от Вислы, и др.-русс. *сербь* «сербы», «Сербия» начисто опровергают мнение, будто названия с конечным *-ь* обозначают только неславянские народы, а *Русь* как название **славянского народа** составляет среди них единственное исключение¹⁶⁵. Способность собирательной модели на *ь/i* обозначать также неславянские народы, в свою очередь, замечательна, но она, во-первых, дает основание говорить о продуктивности данной модели как **славянской**, а во-вторых, в ряд имен на *ь/i* попадают наименования довольно разных народов, окружающих славян, и отнюдь не только финноугорских племен, как можно понять¹⁶⁶. Иначе говоря, сюда относятся не только *весь*, *ямь/емь*, *пермь*, *чудь* (о чуди, впрочем, скажем особо), но и *Скуфь*, «Скифия» («Повесть временных лет») – термин, созданный на юге для передачи византийско-греческого *Σκυθία*, и старопольское *Saś* «Саксония» – термин, возникший на западе, и также старые польские обозначения соседних балтийских племен – *Żmudź* «Жмудь», «Жемайтия», «Нижняя Литва», *Jaćwież* «ятвяги», ни одно из которых не имеет отношения к финским племенам Севера, сюда же и древнее русское *голядь* – название окраинного балтийского племени. Таким образом, стремление излишне изолировать имя *Русь* от славянского словообразования и вообще – утверждать, что «...другие славянские языки не обладают этно-

¹⁶³ Толстой И. Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. Пг., 1918, с. 132, 133, 142, 144.

¹⁶⁴ Olszański T.A. Pochodzenie Rusi jako zbiorowości w świetle poglądów Omeljana Pricaka // Slavia Orientalis, t. XXXVIII, Nr. 3 – 4, 1989, с. 441.

¹⁶⁵ Ковалев Г.Ф. О происхождении этнонима «русь» // Studia Slavica Finlandensia, t. III. Helsinki, 1986, с. 70.

¹⁶⁶ Там же, с. 76.

нимией этого словообразовательного ряда»¹⁶⁷, – не выдерживает критики. Как раз о былой **продуктивности** этой славянорусской модели и ее способности излучать новообразования не только в южном и западном направлениях, **но и в северном направлении**, свидетельствует распространение слова *чудь*, древнего русского названия старого финского населения северных губерний, вплоть до саамских диалектов¹⁶⁸.

Обращая теперь свои взоры на север, остановимся на эпизоде переходном, который «северная» школа склонна толковать однозначно и даже опирается на него в своих выводах, тогда как в действительности все зависит от угла зрения и других весьма конкретных условий, включая этнопсихологию и политику той далекой от нас поры. Так, если видеть все однозначно, то как будто ничто не мешает слова послов о себе – «мы от рода руска (вар. русаго)» – в договорах Руси с греками 911 и 944 годов ставить в один ряд с фактом, что послы эти в основном носили **скандинавские имена**. Отсюда вывод «северной» школы: русь – скандинавы. Столь же одноплановое и, казалось бы, исключительно удачное в духе «северной» школы свидетельство представляют Вертинские анналы, сообщая под 839 годом о том, что к германскому императору прибыли транзитом через Грецию «некие люди», уверявшие, «что они, то есть их род, зовутся рос» (*qui se, id est gentem suam, Rhos vocari dicebant*), а поскольку император навел справки и выяснил, что «они принадлежали к роду свеонов», то есть шведов (*eos gentis esse Sueonum*), он принял этих подозрительных людей за шпионов [цитаты из анналов¹⁶⁹]. Коротко говоря, в глазах «северной» школы это, как и предыдущее свидетельство («мы от рода руска»), – вернейший аргумент в пользу реальности употребления слова *русь* как скандинавского племенного самоназвания¹⁷⁰, хотя из тех же западных анналов достаточно очевидно, что ни германский император, ни, похоже, ученый Запад вообще как раз никакой связи между именем народа Rhos, рос и свеонами-шведами не видел, ибо, как признает и сам Томсен¹⁷¹, «Русью они (скандинавы. – *О.Т.*) звались только на Востоке». И на Юге, – добавим мы, и только в этом состоит главный смысл слов о «принадлежности» к «роду русскому». Речь идет только о представительстве и дипломатической формуле его выражения, как это очень разумно вывел уже Геденов¹⁷². Варяги представлялись от имени государства *Русь/Rhos* сначала, безусловно, на Юге (вспомним, что и во втором, хронологически более раннем случае в Германию их привел транзит через Византию, и, раз назвавшись послами Руси, своих показаний они уж не меняли). Контраргумент этот – в той или иной форме – высказывался в общем уже давно и в разное время, ср., например¹⁷³, то, что послы **выдавали себя** за русь (Rhos), в чем им совершенно справедливо не поверили. Специально о синхронности вести 839 года Вертинских анналов и *Descriptio* анонимного баварского географа (до 850 года), где сообщается о народе *Ruzzi* по соседству с хазарами¹⁷⁴. Тем не менее, стереотип научного мышления в духе «северной» школы продолжает держаться, уже выработан, похоже, эффект привыкания к нему, хотя возможность пересмотра положения дел лежит тут на поверхности, и ее подсказывают неисчерпанные ресурсы «южной» школы. Дело в том, что формула **«мы от рода русского», бесспорно действенная, как мы видели, на Юге**, куда пробирались толпы варягов (один Владимир выпроводил до 6000 варягов в Византию, и нетрудно представить себе, как они там продол-

¹⁶⁷ Там же, с. 77.

¹⁶⁸ Подробнее см.: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Изд. 2-е. М., 1986 – 1987, т. IV, с. 378.

¹⁶⁹ *Ловмянский Х.* Русь и норманны. М., 1985, с. 174 – 175.

¹⁷⁰ *Томсен В.* Начало русского государства. М., 1980, с. 65 – 66, 80.

¹⁷¹ Там же, с. 82.

¹⁷² *Геденов С.А.* Варяги и Русь. Историческое исследование. Ч. I – II. СПб., 1876, с. 273, 275.

¹⁷³ *Дьяконов А.П.* Известия Псевдо-Захарии о древних славянах // Вестник древней истории 1939, № 4, с. 83 и сл.

¹⁷⁴ См. *Херрман И.* *Ruzzi. Forsdergen liudi. Fresiti.* К вопросу об исторических и этнографических основах «Баварского географа» (первая половина IX в.) // Древности славян и Руси. М., 1988, с. 167.

жали себя именовать...), **вполне логично могла применяться вторично и на севере**, куда варяги эти отчасти потом попадали на обратном пути и куда вообще постепенно распространялась информация о южных делах. Иными словами, речь идет о повторении на Севере типологически той же ситуации (вопрос-ответ на тему самоидентификации), что и на Юге. Говоря о Севере, мы подразумеваем прежде всего Финский Север, протянувшийся широкой, но редконаселенной полосой между государствами более благодатного Юга и Скандинавией. И это тем более существенно, что именно на Финский Север традиционно возлагают ответственность в передаче и распространении интересующих нас форм и притом – в направлении, которое кажется необходимым пересмотреть.

Продолжение действия формулы «мы от рода русского» также на Севере в отношении скандинавов-варягов по их естественной привычке именоваться длительное время так на Юге – мысль сама по себе не новая. Она (или ей близкая, см. ниже) высказывалась и целых семьдесят лет назад, и сорок лет назад, тем не менее инерция приверженности к иным взглядам приводит к тому, что целые поколения (сейчас – особенно на Западе) спокойно проходят мимо этих разумных доводов, которые заслуживают того, чтобы повторить их здесь *in extenso*. В 1924 году В.А. Пархоменко высказал предположение, под которым (сняв, правда, его сомнительные преувеличения о приходе всех полян в Поднепровье с юго-востока, чему препятствовала бы по крайней мере эта печать их этимологической близости с именем **более западных**, польских полян) можно подписаться и в году 1993. А именно – указанный исследователь, как бы отталкиваясь от учения «северной» школы Шахматова и других, прямо указывающих на тождество имени *Русь* и финского *Ruotsi*, прилагаемого к Швеции, возражает следующее: «оно (имя *Ruotsi*, «Швеция», в финском. – *О.Т.*) могло возникнуть, когда скандинавы широкой волной вливались на восточнославянские территории и вместе с восточным славянством, так сказать, в рядах его, впитав в себя это **южное имя** (выделено мной. – *О.Т.*), имели соприкосновение с южными и восточными племенами финнов»¹⁷⁵. Спустя целое поколение, конкретно – в 1957 году, когда вышла в свет важная книга польского историка Х. Ловмянского (в переводе на русский язык издана в 1985 году), мы получили возможность прочесть в ней суждение, текстуально и концептуально очень близкое к предыдущему: «...Поскольку название (русь/*Ruotsi*. – *О.Т.*) первоначально обозначало территорию в Среднем Поднепровье (изначальную для норманистов отнесенность его к Швеции автор отвергает. – *О.Т.*), то очевидно, что финны перенесли его на Швецию, узнав о нем от скандинавов, которые, видимо, в момент передачи названия находились на Руси в качестве воинов или купцов...»¹⁷⁶.

Эти наблюдения задуманы мной как наблюдения лингвиста, и им лучше всего остаться таковыми, без посягательств на решение всех задач, тем более – исторических. Их решать – историкам, на долю которых остается еще достаточно неясных вопросов, в трактовке которых подлинное решение, похоже, до сих пор подменяется рутинной и привычкой к ней. Уже из предыдущего ясно, что Русь Днепровская и ее возможные тезоименитые предшественницы имеют богатое и хронологически глубокое прошлое в Южном регионе, тогда как на Севере ничего хронологически сколько-нибудь равноценного нет. *Terminus post quem* образует там (а точнее – в русских летописях) год призвания варягов – 862. Даже если мы опустим здесь несообразности, проистекающие оттого, что еще в 860 году какая-то русь появилась уже под стенами Константинополя и она просто не может быть варяжской, а скорее какой-то совершенно особой, как о том пылливо догадывался еще Шлецер, несообразностей остается еще достаточно. Как быть с утверждением летописей, в большинстве которых стоит этот характерный – и загадочный – повтор «**к варягом, к руси**» – именно к ним, согласно летописцу,

¹⁷⁵ Пархоменко В.А. У истоков русской государственности (VIII – XI вв.). Л., 1924, с. 54.

¹⁷⁶ Ловмянский Х. Русь и норманны. М., 1985, с. 184.

послали за подмогой не сумевшие справиться у себя с анархией племени славян и финнов Северо-Запада нынешней России. Тот же Шлецер почти двести лет назад усмотрел в этом странное «разнословие», которое исчезает, стоит лишь изменить, подставив **из Руси**, вместо **к руси**, тем более что конъектура «**из Руси**» реально подтверждается одним из надежных списков¹⁷⁷. Правда, в итоге Шлецер склоняется к учению Тунмана и других немецких норманнистов о варяжстве руси, но великий ученый не скрывает от нас и своих сомнений, одно из них – о несуразности летописного включения руси (руссов) «между датчанами и англичанами! Этого быть не может: они здесь вставлены...» (цит. по переводу Дм. Языкова¹⁷⁸). С тех пор утекло много воды и затрачено немало труда, но племени Ros, современного и сопоставимого преданию Нестора, в Скандинавии найти не удалось. Допускать, что такое племя тогда было, да **целиком выселилось**, – наивно. В происхождении имени *Русь* (или даже только промежуточной – финской – формы) от более позднего названия шведской области *Roslagen* сомневается, например, сам Томсен¹⁷⁹, но – насколько лучше принимаемое у него происхождение из первой части шведского *rops-menn* или *rops-karlar* «гребцы», «мореплаватели», если тут же следом добавляется, что сами шведы так себя не называли (?! – *О.Т.*), «но что это сокращенное имя было впервые дано им финнами...»¹⁸⁰? А откуда тогда оно у финнов, если постулируемый «северной» школой скандинавский первоисточник просто исчезает у нас на глазах? Как видим, не решаемых по-старому вопросов слишком много в самом ответственном звене проблемы. Не стоит, однако, как говорится, выплескивать с водой и ребенка и вести варяжских князей от балтийских славян, как это делал в доброе старое время наш классик «южной» школы С.А. Геденов¹⁸¹. Варяги, конечно, были германцами. Совершенно реальна скандинавская генеалогия Рюрика, в котором можно видеть датского викинга Рерика, или Ререка (Hroerekr) Ютландского¹⁸². Правда, это решение, внося ясность в личную генеалогию древнерусского князя Рюрика, попутно вызывает немало осложнений в других вопросах. Курьезно то, что датчанин Рерик не имел ничего общего как раз со Швецией, откуда в основном ведут варягов, поскольку известно, что, в отличие от варягов-шведов, устремлявшихся на Русь, викинги-датчане направляли свои походы в основном в Западную Европу. Так что **датчанство** Рерика-Рюрика сильно колеблет весь **шведский** комплекс вопроса о Руси и даже побуждает наших историков расценивать призвание Рюрика «как один из эпизодов противоваряжской борьбы...»¹⁸³.

Значит, разумнее будет согласиться (см. выше), что **скандинавская этимология** для нашего «Русь» или хотя бы для финского **Ruotsi** не найдена¹⁸⁴. Не является выходом из положения случайный вариант скандинавской этимологии, предложенный в свое время Бримом¹⁸⁵: фин. *Ruotsi*/ русск. *Русь* – из древнешведского *drôt* «толпа», «дружина» (в конце концов, как попробовали показать мы выше, нам приоткрывается в слове «Русь» совсем другая этимологическая семантика). Вот и приходит тут на память пророческий приговор Яна Отрембского по всей этой затянувшейся тяжбе (нам напомнил о нем в своей статье С. Роспанд): «Эта **концепция** (имеется в виду норманнская этимология Руси у Фасмера. – *О.Т.*)

¹⁷⁷ Шлецер А.Л. Нестор. Русские летописи на древле-славянском языке, сличенные, переведенные и объясненные А.Л. Шлецером. Часть I. Перевел с немецкого Дм. Языков. СПб., 1809, с. 315.

¹⁷⁸ Там же, с. 102.

¹⁷⁹ Томсен В. Начало русского государства. М., 1980, с. 84.

¹⁸⁰ Там же, с. 87.

¹⁸¹ Геденов С.А. Варяги и Русь. Историческое исследование. Ч. I – II. СПб., 1876, с. 135 и passum.

¹⁸² Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Русь и варяги // Сб. Славяне и скандинавы. М., 1986, с. 193.

¹⁸³ Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII – XIII вв. М., 1982, с. 299; Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Русь и варяги // Сб. Славяне и скандинавы. М., 1986, с. 193.

¹⁸⁴ Ср. Ковалев Г.Ф. О происхождении этнонима «русь» // Studia Slavica Finlandensia, t. III. Helsinki, 1986, с. 77 – 78.

¹⁸⁵ Брим В.А. Происхождение термина «русь» // Россия и Запад. Пг., 1923. Т. I, с. 8.

является одной из величайших ошибок, когда-либо совершавшихся наукой»¹⁸⁶. Сказано сильно, но чем больше и дальше мы приглядываемся к этому «скандинавскому узлу», тем восприимчивее мы делаемся и к этому горькому суждению. Далее. Когда нас вот уже сколько времени пытаются приучить к мысли, что и название какой-то части Швеции или шведов (?), и свое собственное имя (?) мы получили от финнов, как-то при этом даже не дают себе труда задуматься над социологическим и социолингвистическим правдоподобием этого ответственного акта. Ведь к заимствованию побуждает **престиж дающей стороны**. А был ли он тогда (более тысячи лет назад!) в нужном размере у небольших и вынужденно малочисленных и небогатых во всех отношениях племен примитивных охотников и рыбаков, которыми были на памяти истории (и археологии) так и не поднявшиеся до уровня собственной государственности финны (XX век – не в счет)?.. Значение и вес тогдашней Финляндии (если можно так назвать совокупность разнообразных островков финноязычного населения VIII – IX веков) были для этого слишком незначительны¹⁸⁷. Ведь финское *Ruotsi* **своей, финской**, этимологии не имеет, и искать там ее бесполезно. Вместе с тем связь финского *Ruotsi* и нашего *Русь* остается, и ее никто не в силах отменить. Все идет к тому, что объяснить разумно эту связь можно, лишь изменив привычный угол зрения. Но сначала – о финских (в широком смысле) данных.

Финское (суоми) *Ruotsi*, как уже сказано, значит «Швеция», *ruotsalainen* значит «швед»; так – в литературном современном финском языке. В народных говорах картина разнообразнее. Например, в севернокарельских говорах *ruotsalainen* выступает в значении «лютеранин», «финн», карельско-олонецкое *ruottiši* значит «Финляндия», а также «финн», «лютеранин», редко – «швед», тверское карельское *ruottšalaiŋi* – «финн», людиковское карельское *ruotš* – «финн», «лютеранин», «Финляндия», «Швеция». Таким образом, в отличие от стандартного финского (а также идущего в его русле водского *röttsi* «Швеция», эстонского *Rootsi* «Швеция», ливского *rùotš-mō* «Швеция»), более периферийные, карельские, говоры проявляют любопытную настойчивость, преимущественно обозначая этим словом иной этнос и иное вероисповедание, и в восточном, в значительной степени православном, регионе этим словом обозначены внешние по отношению к нему финны, финны как лютеране. Между прочим, в саамском, диалекты которого разбросаны по скандинавскому Заполярью и нашему Кольскому полуострову, но в более раннее время были, как известно, **намного южнее**, особенно если иметь в виду Русский Север, соответствующее слово, объясняющееся как заимствование из прибалтийско-финского, обнаруживает как раз **значение «русский», «Россия»; «русский язык»**. Таковы норвежско-саамское *ruos'sâa*, *ruossa*, кольско-саамское *rïöšš^A*, кильдинско-саамское *rïšš(A)*. Это последнее значение представлено также исключительно в восточнофинских языках (куда слово, как полагают, было заимствовано из карельского или вепского): удмуртское (вотьякское) *d'zutš* «русский», коми-зырянское *rot's*, *rut'* «русский»¹⁸⁸.

Я понимаю, что и в финноугроведении сильны свои стереотипы, но, взглянув свежим взглядом, мы все же едва ли имеем право отнести фиксацию **как раз значения «русский», «Россия» по всей финской периферии** – северной и восточной – в разряд новых значений, как это, между прочим, делается и в только что использованном нами финском этимологическом словаре, где, в полном согласии с «северной» школой, речь идет о развитии значения «русский» из предшествующего «швед-варяг». Вряд ли это способно отменить наше убеждение в том, что **периферия обнаруживает и сохраняет прежде всего архаизмы (слова,**

¹⁸⁶ *Otrebski J.* Русь // *Lingua Posnaniensis* VIII, 1960, с. 219 и сл.

¹⁸⁷ См. об этом *Ловмянский X.* Русь и норманны. М., 1985, с. 179 – 180.

¹⁸⁸ Все перечисленные сведения см.: *Itkonen E., Joki A.J.* Suomen kielen etymologinen sanakirja. IV. Helsinki, 1969, с. 875 – 876.

значения). Недаром сами же авторы финского этимологического словаря признают тот факт, что близкие формы со специальным значением «Швеция», «шведский язык», «швед» попали в те же саамские говоры с более поздней волной заимствований из финского или карельского; таковы саамские *ruohta*, *ruossa*, *ruotta* и др.¹⁸⁹

Заслуживают внимания данные пермских языков, где лексика этого корня – коми *роч* «русский», удм. *зуч* «русский» – столь однозначна семантически. Эти пермские названия русского возводятся еще к общепермскому **roc'*, которое объясняется заимствованием из прибалтийско-финского, а именно – из уже известного нам названия «жителя Скандинавии» – фин. *Ruotsi* «Швеция» или его древней формы¹⁹⁰. От внимательного глаза, однако, не может ускользнуть заминка, возникающая оттого, что засвидетельствовано только значение «русский», а не «*житель Скандинавии», почему пытаются прибегнуть к компромиссу буквально в том смысле, что «первоначально слово **roc'* в пермском языке-основе могло обозначать прибывшего из других краев чужеземца...»¹⁹¹. Все-таки немаловажно знать при этом, что, как полагают специалисты, **прапермская общность распалась около VIII века**. Произошло это вследствие экспансии на Волгу тюркских народов и вызванного ею переселения предков коми дальше на север уже с VI – VII веков¹⁹². Генезис прапермского **roc'* «русский» разумно датировать, таким образом, временем до расселения и ставить его появление, как и появление родственной (или предшествующей ему) западнофинской формы **rōtsi*, в связь с формами, **существование которых на Юге к VI – VII векам, по-видимому, уже реально**. Я предполагаю распространение к этому времени не только в собственно Северном Причерноморье, но и у славян Подонья и Поднепровья форм, предшествующих историческому *Русь*, южных по происхождению (см. об этом выше). С одной стороны, это формы, уже практически тождественные историческому, письменному *Русь*, – **russi*, с упрощением первоначальной группы согласных и ассимиляцией, но, с другой стороны, определенное время могли держаться более архаичные формы с аффрикатой **ruksi* (см. о них выше) или **rutsi*, последнее – уже как бы на полпути к ассимиляции (оба согласных – смычный и щелевой – уже зубные). Вот из такой исторически вполне реальной праформы в языке древнейшей славянской Руси могли быть получены при контактах где-то не севернее Верхнего Поднепровья формы вроде празападнофинского **rōtsi*. Прадревнерусское **rutsi*, которое должно было трактоваться как **routsi*, с дифтонгом (в противном случае мы имели бы **Ръсь*, а не *Русь*), вполне могло отразиться в виде финской формы с **ō* долгим в корне¹⁹³.

Вообще, что касается консонантизма исходной формы нашего названия *Русь*, тут еще не все сказано и уточнено из того, что может быть уточнено и сказано, дабы полнее раскрыть для нас праисторию важнейшего слова нашего языка. Во-первых, наше внимание – в связи с вопросом о реконструкции древней формы имени *Русь* – привлекает одно расхожее мнение, продиктованное, так сказать, «лучшими побуждениями», а именно: наше *Русь* не может быть из финского *Ruotsi*, иначе у нас было бы **Русь*. Это, конечно, не так; для древней эпохи вполне допустимо предположить развитие **Rutsi* > **Rusь* – абсолютно так же и в тех же условиях, как это имело место в истории этимологически неродственной формы «русый» – «светлый», «светловолосый» < **roud-so-*, ср. сюда же *рудый* «рыжий», значит, смычный элемент пред *-s-* мог выпасть. Но для нас важно, что он здесь точно был, ведь иначе сработало бы славянское правило перехода *s* > *x* после *u*, то есть иначе должно было получиться из

¹⁸⁹ Там же.

¹⁹⁰ Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970, с. 243.

¹⁹¹ Там же.

¹⁹² Серебренников Б.А. Пермские языки // Лингвистический энциклопедический словарь. Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1900, с. 371.

¹⁹³ Ср. в принципе о такой стадии *Enrietti M. Il protoslavo *ā e la monottongazione di *ai* // Symposium Balticum. A Festschrift to honour professor V. Rūķe-Draviņa. Hamburg, 1990, с. 64, с литературой.

rusь* > **rixь* в значении «светловолосый», но такой формы нет, что дает повод для внутренней реконструкции в этом слове этимологического *d*, а это, в свою очередь, поддерживается и внешним сравнением (этимологией). Эта аналогия нам потребовалась, чтобы прийти к закономерному заключению о том, что и **в имени Русь был когда-то смычный согласный перед -с-, в противном случае оно не уцелело бы и страна и народ назывались бы **Ruшь* (из **Ruxь*). Значит, *Русь* получилось из древнего **Rutsь* (дальнейшая его предыстория на Юге уже дана у нас выше).

И выходит, что встреча прадревнерусского **Rutsь* и празападнофинского **rōtsi* вполне возможна и во времени, и в пространстве. Только у этой встречи совсем другой смысл, а главное – совсем иное направление, чем то, которое принимают вот уже много лет. С юга на север шла и распространялась эта форма. Шла вместе с нарастающими известиями о Юге и о людях Юга, а с ними – и о людях Севера, тех же варягах-скандинавах, которые с Югом связали свою судьбу и, став известными как таковые, не раз возвращались через финские леса, реки и заливы в свою Скандинавию. Этим своим взглядом лингвиста на общий предмет я хотел бы пополнить то, что известно историкам, обращая при этом внимание на то, что лингвистический комментарий позволяет непротиворечиво охарактеризовать роль варягов, их место в истории нашего Севера и Юга, известное хорошо историкам и до нас, но без углубленного лингвистического комментирования все же плохо понятное и мнимо противоречивое. Вот, пожалуйста, во-первых, хорошо знакомое из письменной истории летописное известие о двух разных даннических регионах – северном и южном: «В лето 6337 (859). Имаху дань Варязи из заморья на Чюди и на Словенех, на Мери и на всех Кривичех; а Козари имаху на Полянех, и на Северех, и на Вятчих...» Четко наличествует (первоначальная) связь варягов только с Севером, а не с Югом, который в летописи практически одновременно назван Русью (фиксации в письменности должно было предшествовать более раннее употребление в устной речи). Во-вторых, вскоре после описанного времени устанавливается контакт варягов и с **более южной Русью**, вплоть до изменения самоназвания этих варягов, что отметила летопись и правильно оценил вдумчивый историк: «После того как Олег утвердился на Руси, его варяжские воины взяли себе новое название («прозвашася русью»), что подтверждается и другими источниками, т.е. выступали не как завоеватели, а наоборот, ассимилировались, были поглощены окружающей средой»¹⁹⁴. Чтобы не оставалось никакой неясности, историк в другом месте солидаризируется еще раз «с известием «Повести временных лет» о принятии варягами названия «русь» в Киеве»¹⁹⁵. Правда, к сожалению, и в науке, и в научной общественности имеют обыкновение великолепно уживаться факты и умение не видеть эти факты, что называется, с короткого расстояния, в упор. Тем более когда речь идет о действительно трудном вопросе, каковым всегда был варяжский вопрос, включавший и броское, эффектное сравнение форм, и затуманенную неясность переходов, связи между ними. Именно развеиванию застоявшегося тумана посвятили мы свои усилия, в чем нам помог благодатный Юг, скрывающий еще немало загадок, но щедрый и на отгадки иных, казалось бы, до сей поры неприступных.

Вот одна из них, занимающая не последнее место во всей русской проблеме, и ради нее мы вернемся к началу повествования – на Юг, в Крым. «А ныне на предняя возвратимся», как говаривали наши древние книжники. В «Житии Константина Философа» (гл. VIII) читаем, как наш святой по прибытии в Херсон (Корсун) совершил немало достопамятных дел, в том числе и как филолог и библиофил: научился «жидовьстеи беседе», поразив этим одного местного «самарянина». Но самое для нас, быть может, замечательное, что он ««обр#те же тоу еvаgгeлiе и ψάλтирь русьскими писмены писано, и члов#ка обр#тъ гла-

¹⁹⁴ Ловмянский Х. Русь и норманны. М., 1985, с. 142.

¹⁹⁵ Там же, с. 176.

голюща тою бес#дою...»¹⁹⁶. Это место, внешне прозрачное (русские письма! – казалось бы, куда уж яснее...), породило в умах ученых немалую смуту и на долгие времена. Сразу родились естественные сомнения: что это могли быть за русские **письмена** в 860 году, то есть до того, как сам Константин Философ, как доподлинно известно, сложил буквы и перевел для славян священные книги? В середине XIX века, когда серьезно обсуждался варяго-русский вопрос, задумались и над возможностью того (Шафарик), что слово *русский* в ЖК относится «не к славяно-руссам, а к варяго-руссам в Таврии, преемникам готского богослужения. Русские письма здесь надо разуместь в смысле готских...»¹⁹⁷. И для других ученых немецкой школы «не оставляло сомнения», что святой Константин-Кирилл нашел книги, принадлежавшие крымским готам¹⁹⁸. Но ведь гóтов Константин знал отдельно и специально назвал как добрых христиан в перечне народов во время своего венецианского диспута! О варягах же и думать неудобно, ибо на тот год их призвание еще не состоялось даже на словенско-новгородском Севере... Это и понимали в дальнейшем наиболее осмотрительные из норманистов, которые, как Шахматов, признавали соответствующее место ЖК загадочным, и единственное, против чего они выступали уверенно, это реальность докирилловских славянских переводов Евангелия¹⁹⁹. К сожалению, третья возможность (не германское и не славянское) даже не была долгое время выдвинута²⁰⁰, поэтому продолжение поисков шло на прежних двух направлениях, кажется, в одинаковой степени обреченных на неудачу, будь то предположение о встрече Константина Философа с тмутараканским русином²⁰¹, или догадка о западнославянском источнике известий ЖК о русских письменах²⁰², или даже вольный домысел о полянской, киевской, украинской принадлежности писем²⁰³. Впрочем, последний автор мудро заключает, что «все дело можно было бы окончательно решить, если бы можно было знать точно, как понимать слово «русский» в половине IX века»²⁰⁴. В таком случае уместно было бы развить дальше робкую мысль о том, что в «Житии Стефана Сурожского» идет речь о **крещении некоего «русского князя» в Крыму уже в конце VIII века**²⁰⁵, которого, разумеется, нет нужды поспешно зачислять в славяне или русские. Вообще, если вдуматься, у нас, в сущности, нет сколько-нибудь веских доводов, которые склоняли бы нас принять ответственное заключение, что в Херсонесе наличествовали к моменту приезда туда Константина Философа славяно-русские жители. С другой стороны, нам все же известно наличие в Крыму кирилло-мефодиевских и более ранних времен народности с именем *рос*, в чем нас убеждают разыскания наших древников (историков, археологов), кратко упоминаемые у нас выше. Ситуация, когда в том же Крыму имеется этнос под названием *рос/рус*, а славянской Руси практически еще нет, не должна нас шокировать; речь идет о вполне жиз-

¹⁹⁶ Лавров П.А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930 (Труды Славянской комиссии, т. I), с. 11 – 12.

¹⁹⁷ Там же, с. XI.

¹⁹⁸ Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Ethnologische und historisch-topografische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts (ca. 840 – 940). Leipzig, 1903, с. 389 – 390.

¹⁹⁹ Шахматов А.А. Рец. на кн.: В.А. Пархоменко. Начало христианства Руси // Журнал Министерства народного просвещения, август 1914, с. 346 – 347 (Критика и библиография).

²⁰⁰ Вряд ли возможно связывать эти сведения ЖК с хазарским письмом, как строят догадки некоторые востоковеды, ср. Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1900, с. 153. Ни в малейшей степени не выглядят, наконец, конъектуры вроде «сурьский» – «сирийский» (так: Вайян, Якобсон).

²⁰¹ Пархоменко В.А. Начало христианства Руси. Очерк из истории Руси IX – X вв. Полтава, 1913, с. 52 – 53.

²⁰² Никольский Н.К. К вопросу о русских письменах, упоминаемых в «Житии Константина Философа» // Известия Отделения русского языка и словесности, т. I, кн. 1, 1928, 29.

²⁰³ Ориенко І. І. «Руські» переклади в Херсонесі в 860 року // Юбілейний збірник на пошану акад. Д.Й. Багалія. Київ, 1927, с. 366.

²⁰⁴ Там же, с. 359.

²⁰⁵ Fermeğlia G. Razmišljanja o starim slavenskim azbukama // Slovo 36, 1986, с. 71 и сл. (Tisuću i sto godina od smrti Metodijeve. Ćirilometodsko kulturno-književno nasleđe u Hrvata).

ненной, переходной ситуации. Поэтому имеет смысл проявить осторожность в трактовке местного, крымского населения второй половины IX века, не настаивая на односторонней дефиниции его этнической принадлежности в духе старых критериев (германцы, славяне), но и не отчуждая у них и евангелия «русским письмом», во-первых, потому что этническое содержание местного термина «русский» **могло быть другим, не обязательно привычным для нас**, во-вторых, потому что по ряду признаков и христианство, и письменность пустились в городском центре Херсонеса корни, причем, возможно, еще задолго до прибытия туда святых братьев. В сельской местности картина, понятно, была другая, буквально в двух шагах от Херсонеса, у фульского племени, Константин Философ вынужден был заниматься миссионерской деятельностью, искоренять священное дерево язычников, в Херсонесе его окружает своя, привычная духовная, христианская среда, где чтут память священномученика Климента, папы римского. В «Сказании об обретении мощей св. Климента» фигурирует бесспорный туземец, носитель местного имени – Дигица – и знаток местного климата, но к тому же благоверный христианин. Другой местный житель, тоже христианин, владел «русской беседою». Назовем их пока условно тавро-росами. В городе, очень давно освоенном греками, их не могло быть много, Константину понадобилось «найти» такого местного знающего человека (*и человека обреть*). Как это бывает, креститься могла раньше «верхушка» тавро-росского населения, к тому времени привлеченная, наверное, жизнью греческого христианского города. Племенная верхушка, еще не успевшая позабыть традиции древнего таврского жречества, могла иметь в своем культурном арсенале местное подобие письменности. В свое время мне уже пришлось столкнуться с тем, что обычно криво толкуемое слово ΣΑΣΤΗΡΑ древней Херсонесской гражданской присяги возможно идентифицировать как генетически индоарийское (праиндийское) со значением «священный свод». Высокий культ местной таврской богини-девы у греков-херсонеситов позволяет допустить, что эти местные культурные начатки никогда не истреблялись и досуществовали до великой смены религий. Письменности тавров мы не знаем, она, видимо, окружалась тайной, не открывалась непосвященным и так и погибла, не оставив следов. Но, может быть, Константин Философ был счастливее нас и нашел то, что от нее тогда еще сохранялось и даже было применено для христианских целей. Он застал и письменность, и ее носителей, тавров его времени, «глаголющих тою («русскою») беседою». Вообще ничего невозможного в предположении о существовании когда-то таврской (тавро-росской) письменности нет. Ее последующее исчезновение и забвение ставит ее в один ряд с другими начальными христианскими письменностями, которые, попав в какие-то неблагоприятные условия, перестали существовать. К тому же примеры этого известны в том же Циркумпонтийском регионе. Так, Иоанн Златоуст в IV веке сообщает в одной проповеди, что скифы, как и сарматы, и фракийцы, перевели Святое Писание на свой язык²⁰⁶. Современной науке не известно ни одной строчки связного текста на скифском и сарматском языках, практически ничего не сохранилось и из фракийской письменности. Кроме того, мы знаем, что в позднеантичное и раннесредневековое время объем понятия «скифский» был очень расплывчат, в него могли входить и другие остаточные языки и этносы региона.

Вопрос о «русских письменах» принято до сих пор считать нерешенным, а само место это в ЖК окружают сомнениями. Обращают, например, внимание на то, что Константин Философ в своей речи на диспуте с трезычниками в Венеции 867 года «обошел полным молчанием» народ, пользовавшийся «русскими письменами». По словам С.Б. Бернштейна²⁰⁷, на это впервые указал А.И. Соболевский. И все же, я думаю, высокоуважаемые

²⁰⁶ Ebert M. Südrussland im Altertum. Bonn und Leipzig, 1921, S. 109.

²⁰⁷ [Бернштейн С.Б.] Предисловие редактора // И.Е. Можжева. Библиография по кирилло-мефодиевской проблематике 1945 – 1974 гг. М., 1980, с. 16.

ученые ошибаются. Константин Философ назвал этот народ. Среди «многих родов», «книги оумеюща и богу славою въздающа своимъ языкомъ кождо» (ЖК, гл. XVI) упомянуты *тоурси* (они же *тоурси*) в перечне народов между обрами (аварами) и козарами. Это несколько темное имя иногда пытались эмендировать, а вернее – попросту заменить на другое, более «понятное»; так появилось чтение «турки» в русском переводе паннонских житий: «...Мы же знаем многие народы, что владеют искусством письма и воздают хвалу Богу каждый на своем языке. Известно, что таковы: армяне, персы, абхазы, грузины, согдийцы, готы, авары, турки, хазары, арабы, египтяне, сирийцы и иные многие»²⁰⁸. Этноним *турки*, обретающий в комментариях к переводу вид (или значение) «тюрки», обосновывается там еще дополнительно переводом житийного *соугди* как «согдийцы» и идентификацией последних с жителями Согда в Средней Азии и довольно отдаленным (в плане культурной географии) фактором приспособления согдийского письма к тюркскому языку²⁰⁹. Это, однако, в свою очередь, вызывает сомнения у нас, поскольку проще (да и убедительнее) оставить все в основном воздержавшись от эмендации. Так поступают, между прочим, некоторые переводчики, оставляющие проблематичное имя как в тексте. Ср. немецкий перевод Шютца: «...Sugder, Goten, Awaren, Tursier, Chasaren...»²¹⁰. Характерно здесь внимание переводчика к крымскому региону: «Готы и сугды населяли Крым»²¹¹; из чего явствует, что Шютц понимает под сугдами не далеких согдийцев, а жителей Сугдеи-Судака, и это кажется правильным. Точно так же в хорватском издании: «...Sugdi, Goti, Obri, Tursi, Hazari...»²¹², с добавлением, что «имена некоторых народов не идентифицированы».

²⁰⁸ Сказания о начале славянской письменности. Отв. ред. В.Д. Королюк, перевод и комментарии Б.Н. Флори. М., 1981, с. 89.

²⁰⁹ Сказания о начале славянской письменности. Отв. ред. В.Д. Королюк, перевод и комментарии Б.Н. Флори. М., 1981, с. 136.

²¹⁰ *Schütz J. Die Lehrer der Slawen Kyrill und Method. Erzabtei St. Ottilien*, 1985, s. 72.

²¹¹ Там же, с. 133.

²¹² *Žitja Konstantina Ćirila i Metodija. Preveo i protumačio J. Bratulić. Zagreb*, 1985, с 77.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.